

АНТИЧНЫЙ
МИР

СОЛДАТЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Традиции военной службы
и воинская ментальность

А.В.
Махалюк

Античный мир

Александр Махлаюк

**Солдаты Римской империи.
Традиции военной службы
и воинская ментальность**

«ВЕЧЕ»

2024

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Махлаюк А. В.

Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / А. В. Махлаюк — «ВЕЧЕ», 2024 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-9123-8

Книга посвящена исследованию социально-политических и военно-этических традиций римской императорской армии (I в. до н.э. — III в. н.э.) на основе историко-антропологического и цивилизационного подходов. Эти традиции трактуются как противоречивое единство древних полисно-республиканских установлений и реалий профессионального войска, представлявшего собой своеобразное корпоративное сообщество, особый социальный организм и субъект политической истории. В центре внимания автора — специфика римского воинского этоса, основанного на особых стереотипах поведения и ценностях. На основе широкого круга литературных и документальных источников рассматривается морально-психологическое, аксиологическое и практическое значение традиций воинского товарищества и дисциплины, анализируются представления, связанные с социально-политическими и моральными качествами воинов, воинскими доблестями, честью и славой, знаками отличия и военной карьерой, раскрывается взаимосвязь римского воинского этоса и армейской религии. Исследуются также механизмы и формы участия армии в политических процессах, взаимоотношения императора и войска. Для историков, военных специалистов, студентов исторических факультетов, всех интересующихся историей античного мира.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-4484-9123-8

© Махлаюк А. В., 2024

© ВЕЧЕ, 2024

Содержание

Предисловие	7
Предисловие ко 2-му изданию	10
Введение	14
Глава I	34
Литературные и юридические источники	34
Данные эпиграфики и других вспомогательных дисциплин	46
Глава II	54
Изучение римской императорской армии в XIX – первой половине XX века	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Валентинович Махлаюк

Солдаты Римской империи

Традиции военной службы

и воинская ментальность

© Махлаюк А.В., 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга – итог многолетних занятий автора историей римской императорской армии. Как, наверное, и во всякой исследовательской работе, итог этот относится к определенному этапу и не может быть окончательным – ни с точки зрения охвата всех возможных аспектов заявленной темы, ни по степени проработанности тех или других конкретных деталей, ни тем более в плане неизбежности отдельных суждений и выводов. Важно, однако, чтобы предлагаемые в книге исследовательские подходы и общая концепция соответствовали современному уровню науки, могли обеспечить достаточно убедительное, в должной мере аргументированное и сбалансированное решение поставленных проблем, которые касаются, с одной стороны, той специфической социальной и политической роли, какую армия играла в Римской империи, а с другой – тех внутренних, прежде всего социокультурных и духовно-психологических факторов, каковые и делали воинское сообщество особым субъектом римской истории эпохи принципата. О том, насколько удалось автору достичь данной цели, судить читателям, в первую очередь специалистам-антиковедам, и тем исследователям, которые, возможно, обратятся к дальнейшим изысканиям в намеченных нами направлениях, развивая (и не только на римском материале) либо опровергая какие-то из высказанных на этих страницах идей. Таков в общем-то обычный путь развития научного познания.

В качестве необходимого пояснения следует указать, что данная книга, с формальной точки зрения, представляет собой существенно переработанный и при этом почти вдвое расширенный вариант монографии, вышедшей в 2000 г. в издательстве Нижегородского государственного университета под названием «Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности». Уже в процессе работы над ней вполне очевидной стала исключительная обширность и многоаспектность поднятой проблематики. Поэтому и в самом названии монографии акцент, наверное, нужно сделать на слове «очерки», указывающем на сознательное ограничение рассматриваемых тем и вопросов. Однако очень скоро логика самого исследования и знакомство с новой научной литературой, в которой предложенные нами концептуальные подходы нашли и дополнительное теоретическое обоснование, и подтверждение своей актуальности, сделали настоятельной необходимостью обратиться как к более углубленной разработке некоторых из ранее поставленных проблем, так и к рассмотрению целого ряда новых сюжетов. Без их исследования представлялась невозможной реализация в должном объеме и с надлежащей разносторонностью того первоначального замысла, суть которого как раз и заключалась в том, чтобы понять своеобразие военной организации императорского Рима, место армии в обществе и государстве, во-первых, исходя из максимально полной реконструкции воинской ментальности и лежащих в ее основе социально-политических и собственно военных традиций Древнего Рима, а во-вторых, выявляя и акцентируя в этих традициях и ментальности то противоречивое переплетение полисно-республиканских и имперских элементов, которым, в конечном счете, и определялись сущность и основные тенденции исторического развития Римской державы в эпоху принципата. Именно при таком определении основных исследовательских приоритетов, по нашему убеждению, только и можно говорить об исследовании военно-исторической проблематики не в качестве самодостаточного и ограниченного предмета, но в общем контексте истории римской цивилизации, и лишь в этом случае может идти речь об адекватном применении в изучении военных структур историко-антропологического, социально-исторического и цивилизационного подходов.

Таким образом, по главному своему содержанию, целям и подходам наше исследование выполнено в рамках такого нового направления, как военно-историческая антропология, которое лишь совсем недавно начало конституироваться как особая историческая дисциплина. Ее предметное поле, исследовательские методы и эвристические возможности остаются еще

до конца не проясненными и нуждаются как в общем теоретическом осмыслении, так и в конкретизации применительно к изучению военной истории разных эпох и цивилизаций. В связи с этим мы сочли необходимым подробно остановиться на критическом разборе тех теоретико-методологических дискуссий, которые ведутся в современной историографии по проблемам и перспективам историко-антропологического изучения прошлого, и на этой основе прояснить и сформулировать некоторые исходные установки и подходы нашего исследования. Эти последние уточняются и конкретизируются в главах, посвященных источникам и историографии. Целесообразность выделения источниковедческого и историографического обзоров в специальные главы определялась, помимо всего прочего, еще и тем обстоятельством, что в отечественной литературе практически отсутствуют обобщающие работы о военной организации Римской империи, в достаточной мере отражающие современный уровень мировой науки и могущие служить введением в изучение соответствующего круга проблем; поэтому данные разделы призваны в определенной мере восполнить этот пробел.

Что же касается конкретных «приращений» настоящей книги по сравнению с ее исходным вариантом, то они включают три группы вопросов. Во-первых, это вопросы, связанные с трактовкой соотношения статусов гражданина и воина, которое, претерпев существенные изменения при переходе от республики к империи, тем не менее, и в эпоху принципата продолжало, по нашему мнению, основываться на исконных римских традициях, определяя некоторые базовые принципы военной организации вообще и характерные черты политической роли армии в частности (глава IV). Эти последние относятся ко второй группе новых вопросов, поднятых в книге и касающихся таких институтов и феноменов, как воинская сходка, войсковая клиентела и солдатский мятеж (главы VII–IX). Наконец, третья группа проблем относится к религиозным проявлениям воинских традиций и ментальности (глава XIII).

Из очерков, входивших в первый вариант монографии, наиболее основательной доработке подвергся тот, в котором рассматривались особенности образа римского воина в литературных источниках. Совокупность собранных и проанализированных материалов дает, на наш взгляд, все основания рассматривать их как показательные свидетельства, характеризующие восприятие армии и военнослужащих в общественном сознании императорского Рима, без учета которого невозможно правильно понять место воинского сообщества в социальном и политическом поле Римской державы. Вместе с тем в текст данной книги не вошла глава, посвященная роли личного примера полководца в римской армии. Этот сюжет относится к такой большой и значимой теме, как идеология и традиции военного лидерства в Древнем Риме. Ее целостное освещение мы надеемся дать в специальном исследовании, отдельные части которого уже публиковались нами¹.

Заклячая это краткое предисловие, хотел бы выразить свою самую горячую признательность тем людям, без помощи, искреннего внимания, поддержки и благожелательной критики которых появление этой книг было бы невозможно. В их числе прежде всего надо назвать про-

¹ См., в частности, следующие наши работы: 1) «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. трудов Нижний Новгород, 1999. С. 29–35; 2) *Nobilitas ducis* в римской идеологии военного лидерства // ИИАО. 2001. Вып. 7. С. 75–89; 3) Римский полководец в общественном мнении солдат // XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского: Материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2001. С. 74–82; 4) Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // Акта. Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 96–109; 5) *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «История». 2002. Вып. 1. С. 13–31; 6) Военные упражнения, воинская выучка и *virtus* полководца // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 61–74; 7) Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2003. С. 30–35; 8) Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48; 9) Идеология военного лидерства в Древнем Риме (к постановке проблемы) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 31–47.

фессора Василия Ивановича Кузищина, профессора Виктора Николаевича Парфенова и профессора Сергея Кузьмича Сизова, высказавших немало ценных замечаний в качестве официальных оппонентов по моей докторской диссертации, одну из главных частей которой составил текст, ставший основой данной книги. Я глубоко признателен и другим моим коллегам-антиковедам – профессору Алексею Борисовичу Егорову, профессору Вере Викторовне Дементьевой, Константину Викторовичу Вержбицкому и Александру Викторовичу Колобову, которые дали заинтересованные и компетентные отзывы о моей работе. По мере возможности я постарался учесть все высказанные замечания. Многие идеи и конкретные суждения по отдельным вопросам мне помогли сформулировать в высшей степени профессиональные советы Александра Леонидовича Смышляева, которому я благодарен и за неоценимую помощь в получении некоторых труднодоступных публикаций. Очень многим в этом плане мне помогли Ольга Павловна Смирнова и Юрий Петрович Зарецкий. Глубокую благодарность за неизменную поддержку и прекрасную творческую атмосферу нельзя не высказать моим коллегам по кафедре истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета, и в первую очередь профессору Евгению Александровичу Молеву, ныне декану исторического факультета, который ее долгие годы возглавлял, оказывая мне самую непосредственную и всестороннюю помощь. Разумеется, эта книга не могла бы состояться без тех профессиональных знаний и навыков, которыми я обязан моим наставникам по Нижегородскому университету и аспирантуре МГУ, прежде всего Маргарите Сергеевне Садовской, Владимиру Михайловичу Строгеевскому, Василию Ивановичу Кузищину и Ольге Викторовне Смыке. Особую признательность хотелось бы выразить издательству филологического факультета СПбГУ и лично моему коллеге Максиму Михайловичу Холоду за приглашение опубликовать данную работу. Наконец, last, but not least, хочу от всей души поблагодарить мою жену за ее неизменные терпение, понимание и участие, без которых все мои усилия вряд ли привели бы к завершению предприятия.

Не подлежит никакому сомнению, что ответственность за все возможные ошибки и недостатки книги целиком и полностью лежит на авторе.

А.В. Махлаюк, ноябрь 2006 г.

Предисловие ко 2-му изданию

Когда спустя достаточно долгий срок появляется возможность переиздать книгу, возникает труднопреодолимое искушение не просто усовершенствовать написанное, устранив выявившиеся мелкие огрехи, но и переосмыслить, усилить аргументацию основных тезисов, основательно переработать и дополнить текст с учетом как собственного исследовательского опыта, так и появившихся за прошедшие годы новых исследований по теме. Но тут же возникают серьезные сомнения в целесообразности такой глубинной переработки, требующей очень большого труда. И вот почему. Первое издание монографии уже стало историографическим фактом, и ее базовые тезисы и выводы полностью остаются в силе. Более того, перспективность предложенного подхода и обоснованность полученных выводов подтверждаются теми исследованиями, которые появились после ее выхода в свет. Для такой весьма интенсивно развивающейся отрасли антиковедения, как военная история Древнего Рима, полтора с лишним десятилетия – действительно немалый срок, в течение которого опубликовано очень большое количество важных и интересных работ, непосредственно относящихся к большинству затронутых в нашей монографии проблем и сюжетов, не говоря о целом ряде новых обобщающих трудов по римской военной истории в целом. Кроме того, продолжая после выхода книги разрабатывать вопросы военной истории Римской империи, я обратился как к углубленному освещению ряда ранее затронутых тем², так и к новым сюжетам, которые имеют непосредственное отношение к теме ментальности и традиций императорской армии и получили отражения в опубликованных статьях и книгах³.

Что касается новейших исследований, посвященных такой многогранной проблематике, как идеология, традиции и ментальность армии Римской империи, то их простой перечень потребовал бы нескольких страниц. Если ограничиться только наиболее значимыми трудами⁴, то в первую очередь следует указать целый ряд обобщающих трудов, суммирующих результаты прежних исследований и продвигающих новые подходы к римской военной истории. Прежде всего назовем вышедшие в 2007 г. «Компэньюн к римской армии» и «Кембриджскую историю военного дела в Греции и Риме», в которых весомо представлены темы, относящиеся к

² См., в частности: Махлаюк А.В. Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху империи // ВДИ. 2007. № 1. С. 130–142; он же. Римский полководец в ситуации солдатского мятежа: жесты и эмоции // ВДИ. 2008. № 4. С. 114–131; он же. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясукутана и римская virtus как категория воинской этики // ИИАО. 2009. Вып. 12. С. 213–238; он же. Воинская сходка, «римская демократия» и акцептация императора // Народ и демократия в древности: Доклады российско-германской научной конференции / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2011. С. 223–248; он же. Внешний вид войска и солдата: эстетика и прагматика воинской экипировки в Древнем Риме // Древний Восток и античный мир. Вып. VIII. М., 2012. С. 104–121; Makhlayuk A. V. The Roman Citizenry in Arms: The Republican Background and Traditions of the Imperial Army // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / Ed. A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko. Stuttgart, 2013. P. 185–214; он же. Castrensis iurisdictio и правовой статус воинов в римском гражданском процессе // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 104–113; он же. Перебежчики и предатели в римской императорской армии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6 (1). С. 68–78; он же. Празднества и игры в римской императорской армии // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от Античности до современности) / Отв. ред. В.О. Никишин. СПб., 2021. С. 157–172; Makhlayuk A. V. Omnia deinde arbitrio militum acta: Political Initiative and Agency of the Army in Late Republican and Early Imperial Rome // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston, 2022. P. 457–488; он же. Гражданство – награда за доблесть: традиции и новации в практике приобретения civitas Romana // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 1. С. 33–47.

³ Махлаюк А.В., Негин А.Е. Римские легионы в бою. М., 2012 (1-е изд. – 2009); они же. Римские легионы: самая полная иллюстрированная энциклопедия. М., 2018; они же. Повседневная жизнь римской армии в эпоху империи: монография. СПб., 2021.

⁴ Я оставляю в стороне недавние отечественные работы, которые сравнительно немногочисленны. Основные публикации представлены в полезном библиографическом труде: Нефёдкин А.К. Изучение древнего военного искусства в России и странах СНГ (XVIII – начало XXI в.). Библиография. СПб., 2020. С. 98–106, 237–283.

социальным и ментально-идеологическим характеристикам императорской армии, ее политической роли⁵. Широкий круг важных для нашей темы проблем был затронут в материалах научной конференции в Лионе, посвященной профессии воина в римском мире⁶. Из самых новых трудов общего характера укажем книги Дж. Итона, А.Д. Ли и Я. Ле Боэка, в которых, в отличие от более старых исследований, освещаются воинские ценности и особенности армии как специфического сообщества⁷. В ряде новых монографий и диссертаций представлено новое целостное освещение таких важных элементов римской военной организации, как преторианская гвардия, центурионат, армейские церемонии и ритуалы⁸. Большого внимания удостоилась в современных исследованиях тема солдатских мятежей, получившая разработку также и в монографических трудах⁹.

В последние полтора десятилетия в разных своих аспектах, в том числе во взаимосвязи с воинскими ценностями, интенсивно изучалась армейская религиозно-культовая практика¹⁰. Помимо прочих работ, стоит выделить серию статей О. Штолля¹¹ и недавние коллективные труды на эту тему¹², а также несколько новых работ, посвященных военным штандартам римской армии¹³.

В особенности показательно, что в этот период появились и первые монографические исследования базовых ценностных представлений, лежащих в основе римской воинской ментальности и идеологии. Здесь в первую очередь нужно выделить книгу С. Фэнг об идеологии

⁵ A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxford, 2007; The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby. Vol. 1–2. Cambridge, 2007.

⁶ Le métier du soldat dans le monde romain. Actes du cinquième congrès de Lyon organisé les 23–25 septembre 2010 par l'Université Jean Moulin Lyon 3 / Ed. C. Wolff. Lyon, 2012.

⁷ Eaton J. Leading the Roman Army: Soldiers & Emperors 31 B.C. – A.D. 235. Barnsley, 2020; Le Bohec Y. La vie quotidienne des soldats romains à l'apogée de l'empire, de 31 av. J.-C. à 235 ap. J.-C. P., 2020; Lee A.D. Warfare in the Roman World. Cambridge; New York, 2020. Для русскоязычных читателей полезны будут также переводы книг: Уотсон Г. Римский воин / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2010; Дандо-Коллинз С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / Пер. с англ. Н.Ю. Живловой. М., 2015.

⁸ Bingham S. The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces. L., 2013; Ward G.A. Centurions: The Practice of Roman Officership: PhD Dissertation. University of North Carolina. Chapel Hill, 2012; Sorrosal C.S. El ceremonial military romano: liturgias, rituales y protocolos en los actos solemnes relativos a la vida y la muerte en el ejército romano del alto imperio: Tesis doctoral. Bellaterra, 2013.

⁹ Connal R. Rational mutiny in the Year of Four Emperors // Arctos. 2012. Vol. 46. P. 33–52; Panaget C. Les révoltes militaires dans l'empire romain de 193 à 324. Dissertation. Université Rennes 2, 2014; Master J. Provincial Soldiers and Imperial Instability in the Histories of Tacitus. Ann Arbor, 2016; Brice L.L. Second Chance for valor: Restoration of order after mutinies and indiscipline // Aspects of Ancient Institutions and Geography: Studies in Honor of Richard J.A. Talbert / Ed. L.L. Brice & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2015. P. 103–121; Brice L.L. Indiscipline in the Roman army of the Late Republic and Principate // New Approaches to Greek and Roman Warfare / Ed. L.L. Brice. Hoboken, NJ, 2020. P. 113–126; Brice L.L. Commanders' responses to mutinies in the Roman army // People and Institutions in the Roman Empire: Essays in Memory of Garrett G. Fagan / Ed. A.F. Gatzke, L.L. Brice, M. Trundle. Leiden; Boston, 2020. P. 44–67. Прочую литературу см.: Махлаюк А. В. Omnia deinde arbitrio militum acta...

¹⁰ См., например: Billing J.A. Symbolic objects of ideology, veneration and belief: The military standards of the Roman legions // Ancient Warfare. 2007. Vol. VII, Issue 1. P. 41–45.

¹¹ Stoll O. Integration und doppelte Identität. Römisches Militär und die Kulte der Soldaten und Veteranen in Ägypten // Militärgeschichte des pharaonischen Ägypten. Altägypten und seine Nachbarkulturen im Spiegel der aktuellen Forschung / Hrsg. R. Gundlach, C. Vogel. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009. S. 419–458; idem. Der Genius centuriae und der soziale Kontext der Weihepraxis von Armeeeingehörigen im Imperium Romanum // Utere felix vivas. Festschrift für Jürgen Oldenstein / Hrsg. P. Jung, N. Schücker. Bonn, 2012. S. 253–266; idem. Genius, Minerva und Fortuna im Kontext. Gruppenbezogene Weihepraxis von Armeeeingehörigen am Obergermanisch-Rätischen Limes // Römische Weihealtäre im Kontext. Internationale Tagung in Köln vom 3. bis zum 5. Dezember 2009 "Weihealtäre in Tempeln und Heiligtümern" / Hrsg. A.W. Busch, A. Schäfer. Friedberg, 2014. S. 335–379.

¹² L'armée romaine et la religion sous le Haut-Empire romain: Actes du quatrième Congrès de Lyon (26–28 octobre 2006) / Ed. C. Wolff avec la collaboration de Y. Le Bohec. Paris, 2009; Religion and Classical Warfare: The Roman Empire / Ed. M. Dillon and C. Matthew. Barnsley, 2022.

¹³ Töpfer K. Signa Militaria. Die römischen Feldzeichen in der Republik und im Prinzipat. Mainz, 2011; Dziurdzik T. Roman soldiers in official cult ceremonies: Performance, participation and religious experience // The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome / Ed. K. Ulanowski. Leiden; Boston, 2016. P. 376–386; D'Amato R. Roman Standards & Standard-Bearers (1): 112 B.C. – A.D. 192. Oxford, 2018; D'Amato R. Roman Standards & Standard-Bearers (2): A.D. 192–500. Oxford, 2018.

римской воинской дисциплины¹⁴. Эта категория наиболее полно выражает суть и специфику римской военной организации в целом и позволяет охватить практически все аспекты военного дела и повседневной жизни армии, вплоть до гендерного измерения военной службы, а также особенности идеологии правящих элит и важные моменты функционирования политической системы. Автор показывает укорененность римских военных установлений в особенностях социальных структур, политической идеологии и культуры Древнего Рима. Дисциплина трактуется как противоречивое сочетание неформальных (в том числе патримониальных), ценностно-рациональных элементов с тенденцией к бюрократической рутинизации; она, как и «доблесть», ассоциировалась с маскулинным габитусом, который определял солдатскую идентичность и был продуктом римской истории и «политической мифологии». В недавней диссертации Дж. Джеймса, в которой дисциплина также рассмотрена в неразрывном единстве с понятием доблести, но на основе подходов аналитической психологии, предложен оригинальный, хотя и не бесспорный взгляд на истоки и значение этих категорий в воинской ментальности¹⁵. Исследовались и другие компоненты системы ценностей римской армии¹⁶.

Таким образом, бегло очерченный поток исследований явно свидетельствует о продолжающейся интенсивной работе в тех направлениях, которые являются ключевыми для нашей книги. Понятно, что, для того чтобы учесть всю эту новейшую историографию в более или менее полном объеме – а это неперемное профессиональное требование при работе над серьезным историческим исследованием, – потребовалось бы не только существенно расширить историографическую главу, не просто добавить огромное количество новых ссылок на новейшие публикации, но их критически их оценить и, вероятнее всего, скорректировать и уточнить отдельные высказанные в первоначальном варианте книги положения. Это, безусловно, придало бы тексту большую академическую фундированность, но мало что добавило бы по существу. Поэтому при подготовке переиздания книги был избран компромиссный вариант: не перерабатывать весь текст, но ограничиться минимальными поправками и немногими дополнительными ссылками на научную литературу, преимущественно ту, которая в период работы над первым изданием монографии была мне недоступна либо выпала из поля зрения. Это позволяет более точно отразить состояние исследований на начало 2000-х гг. Лишь в отдельных случаях приведены указания на более новые публикации. Немногочисленные дополнительные ссылки в постраничных примечаниях даны в нумерации с буквенным дополнением.

Из тех сюжетов, которые мной разрабатывались с момента выхода первого издания и, вписываясь в общую проблематику и логику исследования, могли бы войти в монографию в качестве дополнительных глав, я решил ограничиться только одним дополнением – главой о перебежчиках и предателях в римской императорской армии, поскольку соответствующий материал, как представляется, позволяет контрастно оттенить позитивные ценностные ориентации, лежавшие в основе воинской ментальности, примерами их столь радикального ниспровержения, как в случаях дезертирства и перехода на сторону врага, что лишний раз обнаруживает противоречивость и сложность истории римской военной организации.

Разумеется, при подготовке текста книги ко второму изданию были по возможности исправлены все замеченные опечатки, технические и стилистические огрехи, заново сверена

¹⁴ Phang S.E. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge; New York, 2008. Подробнее о ней см.: Махлаюк А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии // ВДИ. 2010. № 3. С. 141–162.

¹⁵ James J.R. *Virtus et disciplina: An Interdisciplinary Study of the Roman Martial Values of Courage and Discipline*. Ph. D. Dissertation. University of Missouri. Columbia, 2019.

¹⁶ См., например: Coulston J. *Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army* // *War in History*. 2013. Vol. 20 (1). P. 7–31; Flaig E. *L'honneur de l'armée impériale et le risque que prend celui qui ose l'insulter* // *Honneur et dignité dans le monde antique* / Ed. Christophe Badel, Henri Fernoux. Rennes, 2023. P. 207–220.

большая часть ссылок на источники и литературу, в некоторых случаях эти ссылки дополнены указанием на новые свидетельства или издания. Внесены также необходимые исправления в библиографические описания, а сама библиография дополнена разделом с русскими переводами источников, использованных в работе. В распоряжении читателей, таким образом, будет более совершенный текст. Им же и судить, насколько актуальными и значимыми являются собственно научные результаты нашего исследования.

А.В. Махлаюк, октябрь 2023 г.

Многие, Лоренцо, держались и держатся того взгляда, что нет в мире вещей, друг с другом менее связанных и более друг другу чуждых, чем гражданская и военная жизнь. Поэтому мы часто замечаем, что, когда человек задумает выделиться на военном поприще, он не только сейчас же меняет платье, но и всем своим поведением, привычками, голосом и осанкой отличается от всякого обыкновенного гражданина... Гражданские нравы и привычки не подходят для того, кто считает первые чересчур мягкими, а вторые – негодными для своих целей...

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина.

Никколо Макиавелли. «О военном искусстве»

Введение

Значение военного фактора в истории Древнего Рима невозможно переоценить. В силу особых исторических условий формирования и развития римской *civitas* военные потребности и задачи имели огромное влияние на весь уклад жизни древних римлян, эволюцию их государственного строя, идеологию, нравственные идеалы и «национальный» характер народа квири-тов. Социальные и государственно-политические структуры Рима всегда находились в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности с эволюцией его военной организации¹⁷. Война и военная деятельность буквально со времен Ромула и до эпохи упадка Римской империи считались важнейшим и одним из наиболее почетных занятий для всякого настоящего римлянина, и в первую очередь – для представителей правящей элиты. Все это дает исследователям веские основания говорить о классическом Риме, его идеологии и культуре как милитаристских по своей глубинной сути¹⁸.

Грандиозные и исключительно прочные завоевания, беспримерные достижения римлян в военной сфере, прежде всего поразительная эффективность созданной ими военной машины, оставались непревзойденными на всем протяжении истории античного мира и служили в последующие эпохи образцом для подражания. Уже античные авторы начиная с Полибия были практически единодушны в своем восхищении тем совершенством и мощью, какими отличалась римская армия на протяжении столетий – от подчинения Италии и побед над Карфагеном в III в. до н. э. и вплоть до конца II столетия н. э., когда Риму удалось остановить могучий натиск варварских народов на рубежи империи¹⁹. Если римляне видели в своих военных успехах законный предмет патриотической гордости, считая их закономерным следствием приращенной римской доблести и благорасположения богов, то многие греческие историки, писавшие о военной истории Рима, в целом разделяя эту точку зрения (ср., например: Polyb. VI. 52. 8; Onasand. Prooem. 4), более пристальное внимание обращали и на другие причины римских побед, исследуя их и с прагматической точки зрения²⁰. Но и те, и другие, говоря о

¹⁷ О различных аспектах данной проблемы см., в частности: Кулаковский Ю.А. Римское государство и армия в их взаимоотношении и историческом развитии. Публичная лекция. Киев, 1909; Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Историко-правовое исследование. Свердловск, 1976; Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1998; Евсеенко Т.П. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001; Garlan Y. La guerre dans l'Antiquité. P., 1972; Nicolet C. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976. P. 123 suiv.; Harris W. V. War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B.C. Oxford, 1979; Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. Bd. 74. S. 197–213; War and Society in the Roman world / Ed. J. Rich and G. Shipley. L.; N.Y., 1993; Campbell J.B. War and Society in Imperial Rome, 31 B.C. – A.D. 284. L., 2002.

¹⁸ Harris W. V. Op. cit. P. 9–53; Hopkins K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Vol. I. Cambridge, etc., 1978. P. 25–37; Dawson D. The Origins of Western Warfare. Militarism and Morality in the Ancient World. Oxford, 1996. P. 113 ff.

¹⁹ Достаточно привести некоторые наиболее характерные высказывания. Если верить Плутарху (Pyrrh. 16; Tit. 5), когда эпирский царь Пирр впервые увидел устройство лагеря и боевые порядки римлян, то воскликнул с удивлением: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский!» По словам Полибия (XVIII. 28. 2), как некогда лакедемоняне превзошли в военном деле всех азиатов и эллинов, так римляне оказались в этом отношении выше всех народов (ср. Dion. Hal. Ant. Rom. Prooem. 5). Для Иосифа Флавия устройство римского войска является образцом для всех умеющих ценить совершенство и наиглавнейшим предметом изучения для тех, кто желает понять причины величия Рима (B. Iud. III. 5. 8; ср. Polyb. VI. 26. 11–12). Элий Аристид заявляет даже, что в отношении военной науки (ἐν γὰρ τακτικῶν λόγῳ) все прочие люди – дети по сравнению с римлянами (Or. 26. 87 Keil).

²⁰ Примечательно, что наиболее подробные описания римской армии мы находим у таких историков, как Полибий и Иосиф Флавий. См.: Махлаюк А.В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). Сб. ст. М., 2000. С. 259–272. Стоит отметить и тот факт, что в области военной теории сами римляне отдавали приоритет грекам и пользовались их достижениями (Veget. I. 1; III pr.; ср. Sall. B. Iug. 85. 12). В римской же литературе лишь в позднюю эпоху, в конце IV в., появляется действительно разносторонний трактат по военному делу – *Epitoma rei militaris* Вегетия, для которого военная мощь ранней империи стала уже, скорее, предметом антикварного любования и моделью желаемого, но труднодостижимого возрождения, тем более

сильных сторонах римской военной организации, неизменно акцентировали решающую роль традиционных установлений и порядков (*prisci mores, mos maiorum*), на которых зиждились дисциплина, выучка, стойкость и патриотизм войск, обеспечивавшие Риму превосходство над любыми врагами. Сражаясь с ними, римляне, как никто, умели извлекать уроки из побед и поражений, не чуждались заимствовать у побежденных все ценное в практике и теории военного дела. При этом, совершенствуя свою военную машину и приспособлявая ее к изменяющимся условиям, они сохраняли верность своим исконным традициям. Именно благодаря этим традициям и аксиологическим установкам из поколения в поколение воспроизводился тот специфически римский военный дух, который не в меньшей, наверное, степени, чем вооружение, тактическое искусство, организационные структуры, обуславливал несокрушимую боевую мощь легионов.

Однако там, где речь идет об армиях позднереспубликанского и императорского времени, мимо внимания античных авторов не могли пройти негативные стороны и коренные пороки профессиональной армии, которые с особой силой проявлялись в кризисные моменты римской истории, когда военщина прямо и грубо вмешивалась в политику, диктуя свою, часто корыстную, волю государству и обществу. История римской армии знает, таким образом, и величественные, и позорные страницы, не уступающие друг другу в яркости и драматизме.

Эта история, чрезвычайно насыщенная событиями и сравнительно хорошо документированная разнообразными источниками, представляет непреходящий интерес с точки зрения воплощенного в ней огромного опыта строительства вооруженных сил на профессиональной основе, их взаимоотношений с государством и обществом. Неудивительно, что она всегда была и остается в центре внимания современных исследователей. Вслед за античными историками они обращаются к ключевым вопросам о сильных и слабых сторонах римской армии. Начиная со второй половины XIX в. изучение военной истории и армии Древнего Рима превратилось в одну из ведущих и наиболее динамично развивающихся отраслей антиковедения, в которой сложился целый ряд специализированных направлений. В связи с постоянным пополнением источниковой базы, главным образом за счет новых эпиграфических открытий и археологических раскопок, но, главное, в связи с развитием новых исследовательских подходов и парадигм, в поле зрения ученых оказываются новые темы и проблемы: социальная, культурная и экономическая роль армии, прежде всего в провинциях Римской державы, демографическая структура и повседневная жизнь вооруженных сил, правовой статус, религиозные верования и система ценностей римских солдат, роль командиров и военачальников, их взаимоотношения с войском.

В самое последнее время в русле общего прогресса и новейших тенденций современной исторической науки в работах, посвященных римской армии позднереспубликанского и императорского времени, явственно обозначился поворот к проблематике, которая относится к исследовательским приоритетам социальной истории, истории ментальностей и к такой новой дисциплине современного гуманитарно-исторического знания, как военно-историческая антропология. В рамках данной проблематики основное внимание концентрируется на роли «человеческого фактора» в жизнедеятельности армии, в частности на таких ключевых вопросах и темах, как своеобразие ментально-психологического и социокультурного типа римского солдата, специфика социальных связей внутри воинского сообщества, реалии повседневного быта и взаимоотношений армии с гражданским обществом, военно-политические компоненты официальной идеологии и пропаганды, социально-психологические и идеологические стороны взаимоотношений армии и полководцев, политическая роль армии, военная культура и воинская этика, религиозно-культовые практики как основа воинских добродетелей и

что легионная организация представляется ему не только делом разума и рук человеческих, но и результатом божественного Провидения (II. 21: *non tantum humano consilio, sed etiam divinitatis instinctu legiones a Romanis arbitror constitutas*).

армейской корпоративности. Исследования, ведущиеся в этих ракурсах, не только обеспечивают существенное приращение конкретных знаний по истории военной организации Рима, не только открывают весьма интересные возможности для нового видения важнейших закономерностей функционирования военной организации в сравнительно-исторической перспективе, но и подводят к более глубокому пониманию кардинальных основ римской цивилизации вообще. Отмеченное направление, безусловно, является одним из наиболее перспективных и многообещающих в новейшей историографии римской императорской армии. Но при всех его бесспорных достижениях, выразившихся в появлении ряда глубоких и оригинальных работ общего и конкретного плана, на этом новом исследовательском поле остается еще немало лакун, недостаточно изученных и дискуссионных проблем, требующих дальнейших конкретных изысканий, теоретического осмысления и обобщения результатов, полученных в изучении отдельных аспектов. И в отечественной, и в мировой науке пока еще отсутствуют обобщающие труды, специально посвященные изучению военных традиций и ментально-идеологических факторов в жизнедеятельности римской императорской армии.

В данной работе мы стремились исследовать римскую императорскую армию как специфическое воинское сообщество, как субъект социальной, политической и собственно военной истории. Такой ракурс рассмотрения требует сосредоточить основное внимание на тех социокультурных «механизмах» функционирования и воспроизводства данного сообщества, к важнейшим элементам которых можно отнести, с одной стороны, традиции, понимаемые как интегральное выражение разнообразных социально организованных стереотипов человеческой (в нашем случае – военной) деятельности, а с другой – различные ментально-идеологические комплексы, определявшие духовный облик, мировосприятие римских военных, матрицы их сознания и практического поведения в тех или иных социально значимых ситуациях. Именно военные традиции (как главная составная часть военной культуры и одна из основ военной организации), воинская ментальность и идеология римской императорской армии составляют главный предмет нашего исследования. Понимание содержательной стороны этих категорий мы подробно изложим ниже. В качестве же предварительных замечаний отметим следующее.

Учитывая многообразие и многоаспектность военных традиций, чрезвычайно сложно охватить их все в рамках одного исследования. Поэтому мы стремились, не упуская из вида их целокупного единства и взаимообусловленности с самыми разными параметрами военной организации (социальными, военно-техническими, тактическими, государственно-правовыми, сакральными и проч.), исследовать преимущественно те из них, которые представляются в наибольшей степени взаимосвязанными со сферой ментальных и идеологических установок. Вполне очевидно, что многие традиции, существовавшие в армии императорского Рима, уходят своими корнями в очень ранние времена, и пристальное исследование их генезиса и последующих трансформаций увело бы нас очень далеко от основной темы работы. Поэтому история возникновения и эволюции отдельных традиций (например, тех, что связаны с системой поощрений и наказаний, с почитанием военных штандартов или военной присягой) как специальная проблема нами не изучалась, но затрагивалась лишь постольку, поскольку без обращения к их истокам и изменениям было бы трудно понять судьбу древних установлений в императорскую эпоху, взаимопереплетение традиционных и новых ценностей.

Комплекс римских военных традиций и ментально-идеологических феноменов рассматривается нами в четырех сферах их проявления, наиболее, как представляется, существенных для целостной, разносторонней характеристики роли армии в Римском государстве и социуме, а именно в социальной, политической, военно-этической и религиозно-идеологической. В силу сложной иерархической структуры вооруженных сил империи, неоднородности их социального и этнического состава, существенных различий в характере и условиях службы в тех или иных родах войск, а также из-за состояния наших источников очень трудно воссоздать дифференцированную картину ценностных ориентаций римских солдат, социально-полити-

ческой роли и идеологии императорской армии. Тем более сложно проследить все имевшие место на протяжении столетий диахронические изменения. Поэтому, учитывая по возможности все эти моменты и жертвуя частностями ради целого, основное внимание мы уделим общим, принципиальным и устойчивым характеристикам, которые отличали римского солдата и воинское сообщество императорского времени, но прежде всего его легионное ядро, составлявшее основу всех вооруженных сил и в наибольшей мере сохранявшее приверженность исконным традициям римского военного устройства и военной культуры. Акцент, таким образом, делается на синхронистическом освещении фундаментальных традиций, ценностных ориентаций и идеологием, которые с большей или меньшей степенью устойчивости существовали в «большом времени».

Особо следует оговорить хронологические рамки исследования. Они определяются в первую очередь спецификой изучаемого предмета, характером и этапами эволюции военной организации принципата, а также состоянием источниковой базы. В центре нашего внимания будет армия Римской империи I–II вв. н. э. Военная организация ранней империи была создана в своих основах Октавианом Августом. Однако процесс превращения гражданского ополчения в постоянную профессиональную армию начался в Риме задолго до установления принципата и даже до реформ Гая Мария, и, как отмечают современные исследователи, римляне очень рано усвоили профессиональное отношение к войне²¹. Разумеется, Август, осуществляя свои военные реформы, не только *de iure* оформил то, что *de facto* уже существовало ко времени завершения гражданских войн в последние десятилетия республики, но и внес целый ряд очень значимых новаций, относящихся к политике рекрутирования, порядку прохождения службы как рядовым, так и командным составом армии, месту армии в обществе и государстве, к стилю взаимоотношений императора и войска и т. д. При этом, однако, он в известной степени стремился сохранить и упрочить «республиканский фасад», возродить традиционные ценности²². Происходившие после Августа изменения в целом не носили принципиального характера, следуя главным образом в русле наметившихся ранее тенденций и отражая перемены в социальном развитии и внешнеполитическом положении империи. Важные трансформации происходят на рубеже II–III вв. н. э. и связаны с военными реформами Септимия Севера, которые явились определенным итогом развившихся ранее тенденций и заложили основы позднеантичной военной организации²³. Перемены, происходившие на протяжении кризисного III века вследствие скудости источников плохо известны в своих деталях. Таким образом, римскую армию ранней империи (эпохи принципата) можно рассматривать как достаточно стабильную систему, в которой эволюция играла относительно второстепенную роль и преобладали постоянные элементы²⁴. Не подлежит сомнению, что многие римские военные традиции и военно-этические ценности по самой своей природе отличались весьма

²¹ Keppie L.J.F. *The Making of the Roman Army: From Republic to Empire*. L., 1984. P. 55. См. также: Nicolet C. *Op. cit.* P. 128–148; Gabba E. *Le origini dell'esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario* // *Athenaeum*. 1949. Vol. XXVII. P. 173–209; *idem*. *Ricerche sull'esercito professionale romano da Mario a Augusto* // *Athenaeum*. 1951. Vol. XXIX. P. 171–272 (обе статьи вошли в книгу: Gabba E. *Esercito e società nella tarda Repubblica romana*. Firenze, 1973); Тянова М. О возникновении солдатского профессионализма в Риме // УЗ Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 416. № 2. С. 43–56; Парфенов В.Н. Профессионализация римской армии и Галльские войны Цезаря // АМА. 1974. Вып. 2. С. 72–89.

²² См.: Ростовцев М.И. *Рождение Римской империи. Общий очерк*. Пг., 1918. С. 135–136; Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 65–76; *он же*. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 10–26; Евсеев Т.П. Указ. соч.; *он же*. Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54. Из многочисленных иностранных работ см.: Keppie L.J.F. *Op. cit.*; Raaflaub K.A. *Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats* // *Saeculum Augustum*. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 246–307; Wells C.M. *Celibate Soldiers: Augustus and the Army* // *AJAH*. 1998. Vol. 14. 2. P. 180–190.

²³ См.: Махлаюк А.В. Политические последствия военных реформ Септимия Севера // ИИАО. 1991. С. 62–75.

²⁴ Le Bohec Y. *L'armée romaine sous le Haut-Empire*. P., 1989. P. 217; Ле Бож Я. Римская армия эпохи ранней империи // Пер. с франц. М., 2001. С. 310. Ср.: Grant M. *The Army of the Caesars*. L., 1974. P. 56.

консервативным, инерционным характером²⁵. Уходя своими истоками в глубокую древность и будучи органически связаны с римской, можно сказать, «национальной» идентичностью, они, хотя и получали в некоторых случаях новое наполнение и переосмысление, все же, благодаря и собственной инерционности, и присущему римлянам почтению к древним установлениям, сохранялись в той или иной мере – если и не как жизненная реальность, то, во всяком случае, как чаемый идеал – вплоть до позднеантичного времени, до тех пор пока римская цивилизация окончательно не прекратила свое существование как определенная целостность.

Следует также иметь в виду, что многие факты, характеризующие военные традиции и систему ценностей, представлены в источниках очень разрозненно и неравномерно. Если наиболее информативные литературные источники в основном освещают позднеимператорский период и первое столетие империи, то юридические, эпиграфические и папирусные материалы в массе своей относятся к более поздним периодам. Нужно учитывать и то обстоятельства, что многие античные историки в своих трудах, посвященных ранней истории Рима, нередко ориентировались на современные им реалии и проблемы, допуская анахронизмы и привнося в описания далекого прошлого понятия, оценки и взгляды более поздней эпохи. Свои очень устойчивые каноны предъявляла к политическому и историографическому дискурсу античная риторика, в топосах которой конденсировались традиционные моральные категории и идеологические представления. Все эти моменты обуславливают необходимость обращения и к событиям, и к источникам, относящимся к широкому временному диапазону, который далеко выходит за хронологические пределы собственно раннеимператорского периода, и диктуют, таким образом, довольно широкие хронологические границы исследования – от периода зарождения и становления военной системы империи, охватывающего, по меньшей мере, последнее столетие республики, и до времен поздней империи III–IV вв., когда армия, несмотря на ряд серьезных преобразований в системе комплектования, организационно-правовой структуре, социальном и этническом составе, продолжала в определенной степени сохранять прежние традиции, ценности и идеологические установки.

Не претендуя на систематическое рассмотрение всех возможных аспектов столь обширной темы, как воинские традиции и воинская ментальность императорского Рима, мы попытаемся дать, по возможности, целостное, разностороннее освещение того комплекса социокультурных, ментальных и идеологических факторов, которым, по нашему мнению, в значительной степени определялись и реальная роль армии в политических и социальных процессах, и историческое своеобразие римской военной организации как системообразующего компонента государственно-политической и общественной структуры Римской империи, органически связанного с фундаментальными характеристиками римского варианта античной цивилизации. Для достижения этой цели представляется целесообразным сосредоточиться на решении четырех взаимосвязанных задач.

Во-первых, исследовать социально-политические, правовые и идеологические аспекты положения армии в римском обществе и государстве, обратив при этом особое внимание на специфическую внутреннюю «социальность» самой армии и на ее восприятие в общественном сознании императорской эпохи.

Во-вторых, выявить глубинные факторы и специфику политической роли армии с точки зрения тех традиционных форм и «механизмов», которые обнаруживаются в таких феноменах, как воинская сходка, солдатский мятеж и войсковая клиентела, и были в эпоху империи тес-

²⁵ На это еще в конце XIX в. обратил внимание Г. Буассье, который отмечал, имея в виду солдат императорской армии: «Среди людей, которые были... связаны между собой узами родства и товарищества, которые жили вместе в стороне от остального мира, старые традиции, конечно, могли легче удержаться; вот почему в империи, составленной из самых разнородных элементов и подверженной самым разнообразным влияниям, военный дух изменялся меньше всего остального» (Буассье Г. Оппозиция при цезарях / Пер. с фр. В.Я. Яковлева // Буассье Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 20).

нейшим образом были связаны с процессом передачи императорской власти, с политическими переворотами и узурпациями.

В-третьих, реконструировать систему военно-этических традиций и ценностей римской армии в их взаимообусловленности и взаимосвязи с историческим своеобразием развития римской *civitas*, со спецификой воинского сообщества и военной деятельности, военно-правовыми установлениями, особенностями морали и «национального» характера римлян.

В-четвертых, рассмотреть распространенные в императорской армии верования и религиозно-культовую практику как особую форму профессионально-корпоративной идеологии и факторы обеспечения солдатской идентичности, как средство морально-психологического и морально-политического воспитания войск.

Очевидно, для того чтобы выявить историческое своеобразие, собственно римскую специфику указанных феноменов, необходим определенный минимум сравнительно-исторического анализа. Наиболее целесообразным в этом плане нам представляется сопоставление римских традиций и представлений с греческими, поскольку, во-первых, культурно-историческая и типологическая близость двух классических народов делает особенно показательными обнаруживающиеся между ними различия, подчас весьма контрастные; во-вторых, сравнения и аналогии между фактами античной и более поздних или типологически иных цивилизаций, хотя и могут быть очень интересны сами по себе, далеко не всегда оправданы и корректны с методологической точки зрения; в-третьих, проведение развернутого и квалифицированного сравнительно-исторического анализа потребовало бы дополнительных специальных изысканий, выходящих далеко за рамки очерченных нами задач.

Выбор отмеченных направлений и проблематики исследования обусловлен как состоянием дел и тенденциями развития современной историографии (на них мы подробно остановимся в главе II), так и теми теоретико-методологическими подходами, которые получили развитие в рамках исторической антропологии, точнее, такого нового ее раздела, как военно-историческая антропология.

Таким образом, работа представляет собой попытку реализовать в изучении римской императорской армии круг тех идей и концепций, которые выработаны в рамках цивилизационного, социально-исторического и историко-антропологического подходов к познанию прошлого. Эти подходы заслуживают, на наш взгляд, подробного обсуждения, поскольку военно-историческая антропология находится еще, по существу, *in statu nascendi*, и в данном исследовательском поле выявляется ряд проблемных вопросов, требующих осмысления и определенной тематизации в контексте тех дискуссий, которые в последнее время оживленно ведутся вокруг так называемый новой исторической науки о ее задачах, системе понятий, междисциплинарных связях, методологических трудностях и эвристическом потенциале. Такое осмысление, учитывающее опыт современной историографии теоретического и конкретно-исторического жанров, представляется тем более необходимым, что даже в тех сравнительно немногочисленных работах, в которых римская военная организация изучается фактически в русле историко-антропологической проблематики, отсутствует, за крайне редкими исключениями, какая-либо методологическая рефлексия.

Историческая антропология в настоящее время, бесспорно, относится к числу ведущих и, пожалуй, наиболее продуктивных направлений мировой историографии. Своими истоками она напрямую связана с «новой исторической наукой» (*l'Histoire nouvelle*), которая была создана основателями «Анналов» М. Блоком и Л. Февром и получила свое второе рождение в работах представителей последующих поколений их школы (Р. Мандру, Ж. Дюби, М. Ферро, Ж. Ле Гоффа, А. Бюргера и др.), выдвинувших на первый план изучение ментальностей. Как современная версия «новой исторической науки» (или даже ее синоним²⁶), истори-

²⁶ Ле Гофф Ж. «Анналы» и «новая историческая наука» // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем истории

ческая антропология представлена в настоящее время целым спектром историографических направлений и дисциплин, плодотворно изучающих социальные связи, структуры повседневности, демографическое поведение, ментально-идеологические комплексы и интеллектуальную историю, социокультурные аспекты политических процессов и институтов²⁷. Можно сказать, что историческая антропология претендует сегодня на изучение практически всех сфер исторической реальности в их системно-структурной целостности и социокультурном единстве, но прежде всего в проекции человеческих представлений об этой реальности. Ее исследовательский пафос состоит в раскрытии человеческого содержания истории и достижении на этой основе качественно нового исторического синтеза²⁸. При всем разнообразии и неуклонно возрастающей дивергенции исследовательских подходов эти направления объединены неким общим дискурсом и, главное, пристальным интересом к тому, «что молчаливо признается данной культурой» (У. Раульф)²⁹: к имплицитным установкам сознания и поведения, к конкретному бытию человека в рамках малых сообществ и в потоке повседневности. Принципиальной посылкой историко-антропологического подхода является признание того, что в любую историческую эпоху общественное поведение людей детерминировано не только и даже не столько внешними обстоятельствами (экономическими и политическими структурами, классовыми отношениями и т. д.), сколько той картиной мира, которая утвердилась в их сознании³⁰; что очень часто побудительные мотивы к действию оказываются производными от тех идеальных моделей, которые заложены в сознании человека религией, культурой, традициями³¹. Иначе говоря, на первый план выдвигаются исследования конкретно-исторических культурных механизмов «социального действия» в разных областях человеческого бытия, нерасторжимая взаимосвязь «мира смыслов» с коллективными и индивидуальными поведенческими практиками. Историческая антропология принципиально меняет логику и стратегию познания обществ прошлого еще и в том отношении, что акцент исследований смещается с диахронических изменений в «большом времени» на синхронию³². При этом в качестве первоочередной потребности современного этапа развития «новой исторической науки» выступает интеграция антропологического подхода и социальной истории³³.

Осмысление общих предпосылок, характера и перспектив антропологического поворота в исторической науке, начавшегося в середине XX в., позволяет утверждать, что он стал закономерным этапом, обусловленным как спонтанной эволюцией и внутренней логикой развития

ческой науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 91.

²⁷ [Михина Е.М.] От составителя // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 6–7, а также с. 17, примеч. 2, где указана основная литература по истории школы «Анналов». Из новейших работ, в которых рассматриваются истоки, проблемное поле и методы исторической антропологии, можно, в частности, указать: Dressel G. Historische Anthropologie. Eine Einführung. Wien; Köln; Weimar, 1996; Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie / Hrsg. Ch. Wulf. Weinheim; Basel, 1997; Dülmen R. Historische Anthropologie: Entwicklung, Probleme, Aufgaben. 2. durges. Aufl. Köln, etc., 2001. См. также: Историческая антропология: место в системе наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.

²⁸ [Михина Е.М.] Указ. соч. С. 11; Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // ВФ. 1988. № 1. С. 56; он же. К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 166 сл.; Ретина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 78 сл.; Ястребицкая А.Л. О культурдиалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // Там же. С. 40.

²⁹ Mentalitätengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlichen Prozesse / Hrsg. von Ulrich Raulf. W. Berlin, 1987 (цит. по: История ментальностей... С. 39).

³⁰ Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // ВФ. 1990. № 4. С. 30–31. Ср. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 52; [Михина Е.М.] Указ. соч. С. 8.

³¹ Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука... С. 32.

³² Ястребицкая А.Л. Указ. соч. С. 40; она же. Культурное измерение историографического (Предисловие) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. Сборник аналитических и реферативных обзоров. М., 1998. С. 32.

³³ Ретина Л.П. Указ. соч. С. 76 сл.; она же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 40 сл.

самого исторического познания, так и общей эпистемологической ситуацией в гуманитарных науках³⁴. Поворот этот непосредственно связан также и с социокультурным контекстом пост-индустриальной эпохи, и с той, по выражению Г.С. Кнабе, философско-гносеологической контроверзой, которая определяет в последние десятилетия практику и теоретическую атмосферу исторических исследований³⁵. Суть этой контроверзы, создающей коренную познавательную апорию, Кнабе усматривает в несовместимости непреложных требований любой науки (включая установку на обнаружение логически доказуемой истины, рациональность анализа, необходимость абстрагирования ради выявления закономерностей, верифицируемость выводов) с требованиями, столь же непрерываемо возникающими из современного движения к целостному познанию исторической «жизни как она есть», которая представляет собой разомкнутую систему и «противится» схемам и жесткому структурированию.

С данной апорией в своей практике так или иначе сталкивается любой серьезный исследователь, отдающий себе отчет в исходных предпосылках и целях исторического познания. Какие бы варианты для ее преодоления ни предлагались³⁶, вполне очевидно, что достижимо оно прежде всего на прагматическом уровне исторического познания – за счет конкретных полидисциплинарных исследований, но лишь при том неременном условии, что исходят они из осознанного выбора исследовательских приоритетов, сопровождаются рефлексией соответствующих теоретико-методологических затруднений и опираются на осмысленное применение категорий и концепций, вырабатываемых и в самой историографии, и в смежных гуманитарно-обществоведческих дисциплинах. Изучение любой конкретной проблематики при этом не должно и не может базироваться на простом, бездумно-механическом заимствовании готовых понятий и методических рецептов, тем более на заранее заданных идеологических схемах. Как показывает опыт, такое заимствование нередко приводит к «сопротивлению» исследуемого материала, к сужению или, напротив, неоправданной модернизации круга вопросов, задаваемых источникам, к игнорированию тех фактов, которые противоречат априорным исследовательским установкам. Универсальных понятий и методов-отмычек, одинаково применимых к любому объекту исследования и комплексу источников, не существует. Как справедливо отмечает Е.М. Михина, имея в виду широкий смысловой диапазон такого ключевого для исторической антропологии понятия, как ментальность, это понятие «становится способным стимулировать мысль, обретает глубину и эвристическую силу, только будучи помещено в контекст формулируемых проблем, гипотез, частичных решений, понятных всем постановок вопроса, короче – в стихию того, что может быть названо “историко-антропологическим дискурсом” и что еще не успело вполне сложиться»³⁷. Обращение к конкретному кругу объектов и проблем исследования с необходимостью предполагает соответствующую «настройку» понятийного аппарата и теоретико-методологического инструментария для выработки адекватной исследовательской стратегии и тактики, а также определение наиболее значимых и продуктивных линий возможных междисциплинарных контактов.

³⁴ Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология... С. 62; *он же*. К пониманию истории как науки о человеке... С. 166 сл.; Ястребицкая А.Л. Культурное измерение историографического... С. 17 сл.; Кузнецов А.М. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // *Личность. Культура. Общество*. Научно-практический журнал. 2000. Т. II. Вып. 1(2). С. 49–67.

³⁵ Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // *Одиссей. Человек в истории*. 1993. М., 1994. С. 247–255 (особенно с. 249–251); *он же*. Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // *ВДИ*. 1994. № 3. С. 67 сл.

³⁶ См. интересные предложения на этот счет Г.С. Кнабе: Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание... Ср., однако, их критический разбор в статье: Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные // *Одиссей. Человек в истории*. 1997. М., 1998. С. 233–250.

³⁷ [Михина Е.М.] Указ. соч. С. 12.

Все эти задачи весьма актуальны для такого нового направления, как военно-историческая антропология, которое закономерно выделилось в последние годы в рамках изучения военной истории³⁸ и находится в процессе определения своего предметного поля и проблематики, развиваясь главным образом на материале военной истории Нового и Новейшего времени в тесном взаимодействии с военной психологией и социологией³⁹. Ростки данного направления становятся в последнее время все более заметными и в исследованиях, посвященных Древнему Риму. И хотя здесь число работ, в которых специально затрагивается круг вопросов, составляющих предмет интереса исторической антропологии, еще очень невелико, они достаточно показательны с точки зрения ведущих тенденций в развитии современного антиковедения, подтверждая его восприимчивость к тем импульсам, что идут из других сфер гуманитарно-исторического знания.

Среди многих теоретических вопросов, возникающих в исследовательском пространстве исторической антропологии вообще и ее военной отрасли в частности, на одно из первых мест, с точки зрения нашей темы, можно поставить проблемы, связанные с использованием понятия ментальности, которое прочно вошло и в научный арсенал, и в обиходное словоупотребление, но по-прежнему сравнительно редко используется в работах по военной истории Рима⁴⁰. Затрагивая те или иные грани данного феномена, историки оперируют обычно такими категориями, как корпоративный дух (*esprit de corps*), особый моральный кодекс и воинский этос, мораль армии. По-прежнему остается в высшей степени актуальной задача, поставленная 20 лет назад известным американским антиковедом Р. МакМалленом, – понять такой феномен, как душа римского солдата⁴¹. Трудно, однако, согласиться с утверждением МакМаллена, что подход к изучению данного феномена, в силу имеющихся свидетельств, может быть только социологическим, а не психологическим. На наш взгляд, именно понятие ментальности позволяет интегрировать собственно социальные, социокультурные, духовно-психологические, этические и идеологические аспекты в характеристике римского солдата и римской армии.

³⁸ Стоит отметить, что вообще в сфере военной деятельности, по самой ее природе, ментально-антропологические параметры, прежде всего в их социально-психологических и аксиологических аспектах, имеют особое значение, часто оказываются даже важнее факторов социально-исторического, организационно-технического и политического толка. Показательно в этом плане, что как классическая, так и современная военно-теоретическая мысль, анализируя основы функционирования военной организации, уделяет немалое внимание тому, что прямо относится к антропологической сфере, т. е. духу армии, воинской доблести или, говоря в более современных понятиях, морально-психологическому состоянию войск, которое рассматривается как сложная многомерная система, включающая в качестве основополагающих элементов идейно-нравственные, общественно-психологические и массовые психические образования. См., например: *Клаузевиц К. О войне* / Пер. с нем. А. Рагинского. М., 1997. С. 201–211; *Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы*. М., 1997; *Азаров В.М., Бурда С.М. Оценка морально-психологического состояния военнослужащих* // *Военная мысль*. 2001. № 3. С. 34–41.

³⁹ В отечественной науке большой вклад в разработку теоретических аспектов военно-исторической антропологии и в организационное становление этой дисциплины внесла Е.С. Сениявская, которая является организатором круглого стола по военно-исторической антропологии, ответственным редактором ежегодника «Военно-историческая антропология», а также автором ряда фундаментальных исследований по новейшей военной истории России, выполненных в русле историко-антропологического направления. См.: *Сениявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование*. М., 1995; *она же. Человек на войне: историко-психологические очерки*. М., 1997; *она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России*. М., 1999; *она же. Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект* // *Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Российской научной конференции 19–20 апреля 2000 г.* Нижний Новгород, 2000. С. 10–27; *она же. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки* // *Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития*. М., 2002. С. 5–22.

⁴⁰ Оно фигурирует почти исключительно в работах французских исследователей. См., в частности: *Harmand J. L'armée romaine et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère*. P., 1967; *Le Bohec Y. Op. cit.* (в указанном русском переводе этой книги переводчики, правда, вместо слова «ментальность» используют понятия «умонастроения» и «представления»); *idem. La IIIe légion Auguste*. P., 1989; *Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina*. Bari, 1989. P. 99–142.

⁴¹ *MacMullen R. The Legion as a society* // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 440: «... to understand anything so romantic as the soul of the soldier...»

О содержательном наполнении и продуктивных возможностях понятия ментальности в познании прошлого немало сказано в минувшие десятилетия⁴². Исследователями отмечается, с одной стороны, расплывчатость и неопределенность этого понятия, образующего своего рода «смысловое пятно», а с другой, подчеркивается его пластичность и позитивно оценивается характерная для настоящего времени тенденция все более расширять его содержание, включая в поле зрения историков ментальностей не только «подсознание» общества, но и философский, религиозный, научный и другие способы истолкования мира. Акцентируются разнообразие групповых ментальностей и своеобразная «разноэтажность» ментальной сферы, зависящая от социальной и профессиональной структуры общества, половозрастных, образовательных и прочих различий, но при этом все же предполагается, что существует и ментальность в широком смысле, как духовный универсум эпохи, общий для всего социума или этноса благодаря прежде всего языку и религии как главным цементирующим силам⁴³. В целом же под ментальностью понимается уровень индивидуального и коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных усилий мыслителей, живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительно устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и автоматизированных реакций, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции⁴⁴. Единство той или иной ментальности, включающей столь разнородные и разнонаправленные элементы, обеспечивается, по мнению некоторых исследователей, не столько рациональной связью понятий, сколько разделяемыми в данной группе ценностями⁴⁵. Очевидно также, что понятие ментальности близко к понятию «картина мира» и включает, если говорить языком семиотики, не столько «план выражения», сколько «план содержания», т. е. речевые и умственные привычки, неартикулированные установки сознания. Путь изучения ментальных структур и феноменов пролегает поэтому «не по вершинам уникальных шедевров и художественных и философских идей, но в долинах ритуалов и клише и в темных лесах символов и знаков»⁴⁶.

Итак, ментальность предстает как очень широкое, исключительно емкое понятие. Элементы, из которых она складывается, принципиально имплицитны, диффузны, тесно между собой взаимосвязаны, но в то же время противоречивы и нередко даже логически несовместимы. Сказать, как «устроена» ментальность, в какой степени и какую систему образуют ее элементы, очень трудно⁴⁷. Она, по сути дела, не образует структуры и может быть описана не в субординированных, более или менее однозначных понятиях, но в синонимах со смысловыми различиями, плохо дифференцированными по значению⁴⁸. Возможно, прав поэтому Ф. Граус, заявляя, что ментальность нельзя определить, но можно описать, ибо она выявляется в мнениях и типах поведения. Это, по его словам, абстрактное понятие, придуманное

⁴² Из огромного массива литературы, посвященной данной категории, следует в первую очередь выделить многочисленные работы крупнейшего отечественного медиевиста А.Я. Гуревича. Кроме названных выше, см.: *Гуревич А.Я.* Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6; *он же.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 454–455; *он же.* От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном... С. 16–29; *он же.* Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // Там же. С. 50; *он же.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; *он же.* «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 81–109. См. также: *Вовель М.* Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 456–459; *Рожанский М.* Ментальность // Там же. С. 459–463; *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 20–29; *Михина Е.М.* Размышляя о семинаре. Субъективные заметки // Одиссей. 1993. М., 1993. С. 305 сл.

⁴³ *Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу... С. 21; [*Михина Е.М.*] От составителя... С. 10.

⁴⁴ *Гуревич А.Я.* Ментальность // 50/50... С. 454; *он же.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 115.

⁴⁵ *Михина Е.М.* Размышляя о семинаре... С. 305.

⁴⁶ *Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу... С. 21.

⁴⁷ *Михина Е.М.* Размышляя о семинаре... С. 305.

⁴⁸ *Шкуратов В.А.* Историческая психология. 2-е, перераб. изд. М., 1997. С. 121.

историками, а не явление, открытое ими в исторической действительности⁴⁹. Данное верно подмеченное обстоятельство не умаляет, однако, той познавательной ценности рассматриваемой категории, которая состоит в том, что разными своими гранями ментальность смыкается с феноменами, относящимися и к общественно-психологической, и идеологической, и морально-аксиологической, и практически-деятельностной сферам. Понимаемая таким образом ментальность выступает как синтетическая категория, наиболее адекватная для понимания – на уровне и макроструктур, и микропроцессов – исторического прошлого в его человеческом измерении. Вместе с тем она оказывается тем «посредствующим звеном», которое связывает социальные процессы и структуры, культуру и духовную жизнь, открывая путь к целостному видению истории⁵⁰. Действительно, если не рассматривать историю ментальностей как ключ ко всем дверям⁵¹, то это понятие, несмотря на отсутствие однозначной трактовки, обладает немалыми эвристическими возможностями для историко-антропологического изучения военной истории и армии Древнего Рима. Возможности эти, однако, все еще остаются в должной мере нереализованными, хотя историко-антропологический подход давно и плодотворно применяется в изучении социально-политической и культурной истории античного Рима⁵². Для их успешного использования необходимо соответствующим образом «настроить» используемый понятийный аппарат.

Обращаясь к понятию ментальности, важно отметить, что единство ментальности того или иного коллективного субъекта не столь самоочевидно, как может показаться на первый взгляд. В теоретических дискуссиях уже указывалось, что опасно исходить из априорных определений типа «ментальность дворянства, крестьянства, духовенства» и т. д., ибо внутреннее многообразие и множество противоречивых черт, присущих ментальности одних и тех же социальных групп, часто не сводимы к общему знаменателю и не должны упускаться из вида. Представление о внутреннем единстве целых эпох (общественных слоев, народов) тем более есть миф⁵³. Это предостережение вполне обосновано. Реальное существование целостной, единой по своим основным параметрам ментальности, присущей всей армии, оказывается проблематичным, если учесть, что кардинальными характеристиками военной организации Римской империи были статусное разнообразие и иерархия⁵⁴. Как между разными родами войск, так и внутри частей и соединений существовали серьезные социальные, правовые и рангово-иерархические различия (например, между преторианской гвардией, легионами и вспомогательными частями или между рядовыми легионерами и высшими офицерами, которые в эпоху принципата принадлежали почти исключительно к знати). Эти различия оказываются очень существенными при рассмотрении духовного облика солдат императорской армии, ибо, как обоснованно подчеркивает Я. Ле Бозк, «нельзя ставить на одну доску легионера и воина вспомогательных частей, особенно если этот последний несет службу в *numerus*; кроме того, надо учитывать, что их положение менялось в период от Августа до Диоклетиана. К тому же... в

⁴⁹ Цит. по: История ментальностей... С. 79–80.

⁵⁰ *Le Goff J. L'appétit de l'histoire // Essai d'ego-histoire. P., 1987* (цит. по: *Бессмертный Ю.Л. История на распутье // Споры о главном... С. 9*).

⁵¹ *Вовель М. Указ. соч. С. 459.*

⁵² См., например: *Veyne P. Le pain et cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976*; *Messlin M. L'Homme romain des origines au Ier siècle de notre ère. P., 1978*; *Antropologia e cultura romana. Parentela, tempo, immagini dell'anima. Roma, 1986*; *L'uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989*; *Cizek E. Mentalité et institutions politiques romaines. P., 1990*. См. также интересные обзоры: *Княбе Г.С. К специфике межличностных отношений в Античности (Обзор новой зарубежной литературы) // ВДИ. 1987. № 4. С. 164–181*; *Späth Th. Nouvelle histoire ancienne? Sciences sociales et histoire romaine: à propos de quatre récentes publications allemandes // Annales: histoire, sciences sociales. 1999. Vol. 54. № 5. P. 1137–1156*.

⁵³ Таково, в частности, мнение известного медиевиста Ф. Грауса, высказанное в статье, помещенной в материалах конференции 1985 г.: *Mentalitäten im Mittelalter: methodische und inhaltliche Probleme / Hrsg. von F. Graus. Sigmarigen, 1987* (цит. по: *История ментальностей... С. 81–82*). Ср. также: *Burke P. Strengths and weaknesses of the history of mentalities // History of European Ideas. 1986. Vol. 7. P. 439–451*.

⁵⁴ *Ле Бозк Я. Указ. соч. С. 19 сл., 93–94, 146.*

то время происходила и общая эволюция, затронувшая всю совокупность обитателей ойкумены. Таким образом, в данном вопросе на первое место выходят социальный и временной факторы»⁵⁵. Очевидно, что не следует преувеличивать гомогенность – и социальную, и духовную – римских вооруженных сил (даже легионы в разные периоды истории империи, хотя и комплектовались формально только из граждан, не были однородны ни по своему этническому и социальному составу, ни с точки зрения служебных функций, общественного и служебного престижа составлявших их военнослужащих, характера связей последних с местным населением).

В то же время нельзя отрицать и тот факт, что армия ранней Римской империи, как важнейшая государственно-политическая структура, особая профессиональная корпорация и специфический социальный организм, представляла в рамках римского мира своего рода «тотальный институт» и была, пожалуй, внутренне наиболее интегрированным, когерентным сообществом, в котором целенаправленно, с применением разнообразных эффективных средств культивировались жестко заданные стандарты поведения, конформизм и единообразие, являвшиеся немаловажным фактором управляемости и боеготовности огромной военной машины. Нивелирующая и интегрирующая сила армии обеспечивалась воинскими уставами и другими военно-правовыми установлениями, сознательно проводимой политикой качественного комплектования, веками отработанной системой обучения и воспитания личного состава, порядком чинопроизводства, гибкими мерами поощрения, разнообразными социальными гарантиями и юридическими привилегиями, религиозно-культовой практикой, подчеркиванием персональных связей императора и войска, наконец, официальной пропагандой и идеологией, в рамках которых военная служба всегда оценивалась как социально-престижная сфера деятельности. Все эти моменты, помимо всего прочего, превращали армию в оплот традиционных римских норм и ценностей, в один из важнейших факторов интеграции империи в целом⁵⁶.

Корпоративное обособление и даже отчуждение (функциональное, пространственное и социокультурное) постоянной профессиональной армии от гражданского общества империи, превращение солдата в особый социальный и морально-психологический тип, как мы попытаемся показать далее (см. главу III), со всей определенностью фиксируется в источниках, начиная с позднереспубликанского периода. Не следует также забывать о том, что армия – это, во-первых, мужской мир, имевший демографическую структуру, существенно отличную от той, что существовала в гражданских сегментах общества⁵⁷, а во-вторых, это вооруженная сила, главным предназначением которой была война, налагавшая на образ жизни и сознание солдат большой отпечаток, нежели их происхождение и все социальные связи⁵⁸, и поэтому доминирующие ценности людей военных, безусловно, были в значительнейшей мере пронизаны «маскулинным духом»⁵⁹. Учитывая сказанное, представляется правомерным говорить об осо-

⁵⁵ Ле Бюэ Ж. Указ. соч. С. 352.

⁵⁶ Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 558. Ср. Dahlheim W. Op. cit. S. 216.

⁵⁷ О демографической структуре армии см.: Scheidel W. Rekruten und Überlebende: die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit // Klio. 1995. Bd. 77. S. 232–254; idem. The Demography of the Roman army // Scheidel W. Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire / Explorations in Ancient Demography. Ann Arbor, 1996. P. 93–138.

⁵⁸ Dahlheim W. Op. cit. S. 203. Стоит, однако, отметить, что создание в Риме массовой постоянной армии было новым феноменом для древних обществ, и в условиях раба Romana I–II вв. многие ее части на протяжении десятилетий не принимали участия в реальных боевых действиях, что дало современным историкам повод для иронических замечаний о том, что некоторые легионеры больше страдали от скуки, чем от врага, и больше времени проводили в тавернах, нежели в военных походах (Picard G.-Ch. Castellum Dimidi. P., 1947. P. 96; MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963. P. V). Это обстоятельство, естественно, также не может игнорироваться при выяснении специфики ментального облика римского солдата в эпоху империи.

⁵⁹ Alston R. Arms and the men: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome // When Men were Men. Masculinity, Power and Identity in Classical Antiquity / Ed. L. Foxhall and J. Smith. L.; N.Y., 1998. P. 205–223.

бой корпоративности (или корпоративизме) императорской армии как важнейшей стороне ее специфической социальности и основе той целостной воинской ментальности, которая была общей если не для всех римских военных, то по крайней мере для их подавляющего большинства⁶⁰. Именно эти базовые, типические характеристики и константы должны исследоваться в первую очередь, ибо через соотнесение с ними могут быть выявлены и правильно истолкованы черты своеобразия в самосознании отдельных более узких ранговых и специализированных по своим функциям групп внутри армии.

Разумеется, признавая существование неких универсальных черт, присущих любому военному сообществу или регулярной армии, их обусловленность основополагающими принципами и интенциями военного дела, необходимо во избежание анахронизмов и aberrаций руководствоваться тем, что называют презумпцией «инаковости» прошлого⁶¹. Недопустимо увлекаться возникающими аналогиями, поскольку главной целью исторического исследования всегда остается выявление конкретно-исторического наполнения «универсальных» категорий и акцентирование уникальности изучаемых феноменов. В изучение ментальных представлений необходимо внести историчность, выявляя то, чем определялось их содержание и изменение с точки зрения как системно-структурного, так и субъективно-деятельностного подходов⁶². Вместе с тем некоторые наблюдения и выводы современной военной социологии и психологии – дисциплин, интенсивно развивавшихся после Второй мировой войны, прежде всего в США⁶³, представляются достаточно интересными и плодотворными для определения подходов к изучению военных структур далекого прошлого, в том числе и солдатской ментальности. В специальной литературе справедливо подчеркивается, что основой системы воинских ценностей, отличающейся консерватизмом и высоким уровнем конформизма, являются особые условия и компетенция воинской профессии, прежде всего главная функция армии – осуществление

⁶⁰ В современной военной науке корпоративность (корпоративизм) рассматривается как наиболее значимое качество военного сообщества, как закономерная форма групповой самоорганизации военнослужащих, интеграции и институционализации их интересов в системе отношений «государство – гражданское общество». Она характеризуется прежде всего такими свойствами, как дух солидарности, общность групповых интересов, коллективная целеустремленность, глубокое чувство верности своей группе, которое простирается и на весь огромный коллектив, подчиненный верховному командованию. В социальном плане основой этой корпоративности является специфика образа жизни и особые групповые, профессиональные интересы, а с духовной точки зрения она основана на ценностно-ориентационном единстве военнослужащих, их самоидентификации как сообщества военных профессионалов (*Вахмистров В.П.* Социальные и духовные основы военного корпоративизма // *Военная мысль.* 2000. № 5. С. 39–43; См. также литературу, указанную ниже в примечаниях 48–50). Некоторые из этих моментов акцентировал в свое время выдающийся теоретик военной науки К. Клаузевиц, чье мнение заслуживает быть процитированным в развернутом виде: «Как бы ни мыслили себе совершенное воспитание в одной и той же личности качеств гражданина и воина... все же никогда не удастся устранить профессиональное своеобразие военного дела, а раз это так, то те, которые занимаются военным делом, и пока они им занимаются, будут смотреть на себя как на корпорацию, в порядках, законах и обычаях которой и фиксируются факторы войны... Поэтому было бы большой ошибкой при решительной склонности рассматривать войну с высшей точки зрения недооценивать этот специальный дух обособления (*Esprit de Corps*), который в большей или меньшей степени может и должен быть свойственен войскам. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух является в известной степени связующим средством, спаивающим образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести...» (*Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 203–204).

⁶¹ *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология... С. 59.

⁶² *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 171 сл.

⁶³ В отечественной военной литературе, несмотря на богатые традиции дореволюционного времени и некоторые интересные работы представителей белой эмиграции (см., в частности: *Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы.* М., 1997; *О долге и чести воинской в Российской армии.* М., 1990; *Русская военная мысль: Конец XIX – начало XX века.* М., 1982; *Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е.* «Во славу Отечества Российского» (развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XIX в.). М., 1984), лишь в самые последние годы стали появляться достаточно квалифицированные, объективные и интересные работы, тогда как в изданиях советского периода многие теоретические положения и подходы носили заведомо идеологизированный характер, что, безусловно, снижает их эвристическую ценность (см., например: *Волкогонов Д.А.* Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории: Автореф. дисс... д-ра филос. наук. М., 1971; *он же.* Актуальные проблемы советской военно-этической теории. М., 1972; *он же.* Воинская этика. М., 1976; *Военная психология.* М., 1972; *Проблемы психологии воинского коллектива.* М., 1973).

насилия⁶⁴. Вполне обоснованны также высказываемые некоторыми авторами идеи о воинской этике как особом культурно-историческом феномене, который связан с историческими традициями данной нации и представляет собой комплекс специфических ценностей, питаемых чувством воинского братства и составляющих индивидуальный и коллективный кодекс чести⁶⁵. Важно, что в исследованиях военных социологов и психологов армия рассматривается как особая социальная структура, в которой во многом определяющую роль играют отношения в малых (референтных) группах. Такие группы по сути являются системой неформальных межличностных отношений, и так называемые вторичные символы играют в них известную роль лишь в той степени, в какой они интерпретируются в терминах, соответствующих повседневным нуждам отдельного солдата⁶⁶.

Не подлежит, однако, сомнению, что, несмотря на все внешние аналогии, природа подобного рода отношений и структур в античных армиях существенно отличалась от того, что можно наблюдать в современных вооруженных силах. Эти взаимосвязи и соответствующие ментальные установки, по самой своей сути, не просто функциональны и техничны: будучи обусловленными объективными потребностями военной деятельности, они вместе с тем изоморфны тем социальным практикам и структурам, которые характерны для того или иного общества. Понятно, что такие, к примеру, феномены, как фиванский священный лох, в котором служили любовники, связанные клятвами взаимной верности, или же отношения патрона-клиенты, объединявшие римских полководцев и подчиненных им солдат в эпоху поздней республики, а в период империи – императора и всю армию в целом, можно понять, только исходя из социокультурных традиций античных обществ. Поэтому нужно со всей определенностью еще раз подчеркнуть, что любые обобщения, делаемые на современном, эмпирически исследуемом материале, представляют собой не более чем ориентировочные модели, которые при их проецировании на отдаленное прошлое должны, во-первых, учитывать специфику этого прошлого как целостной исторической эпохи и особой цивилизации, а во-вторых, тщательно проверяться конкретными данными источников, анализ которых может либо модифицировать их, либо вовсе опровергать. Современные военная социология и психология отнюдь не могут дать готовые ответы на вопросы о сущности римских военных установлений, но лишь помогают выработать определенную постановку проблем, привлечь внимание к тем факторам и аспектам, которые представляются значимыми с высоты современных знаний, но очень часто не вызывали специального интереса у античных авторов и их современников и, соответственно, не нашли эксплицитного выражения в наших источниках. Иными словами, необходимо взаимодействие сообщений, идущих из прошлого, с теми импульсами и вопросами, которые посылает в прошлое мысль современного историка, черпающего многие проблемы и модели из того исследовательского поля, где трудятся специалисты различных социальных наук⁶⁷. В этом только и может заключаться корректное применение междисциплинарного подхода.

Возвращаясь к обсуждению понятий, которыми обозначено предметное поле нашего исследования, обратим внимание также на принципиально важный – и в теоретическом, и

⁶⁴ Harries-Jenkins G., *Moskos Ch.* Armed forces and society // *Current Sociology*. The Journal of the International Sociological Association. 1981. Vol. 29. 3. Winter. P. 15; Goodpaster A.J., *Huntington S.P.* Civil-Military Relations. Washington, 1977. P. 7; *Huntington S.P.* The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations. 7th revised ed. Cambridge (Mass.); London, 1981. P. 8; 61 ff., 79; Janowitz M. The Professional Soldier. Glencoe, 1960. Passim; *idem.* Sociology and the military establishment / Revised edition in collaboration with P. Little. N.Y., 1965. P. 110–111.

⁶⁵ См., например: Wilson S. For a socio-historical approach to the study of Western military culture // *Armed Forces and Society*. 1980. Vol. 6. P. 527–552; War, Morality and the Military Profession / Ed. M. Wakin. Boulder, 1979.

⁶⁶ Brotz H., Wilson E.K. Characteristics of military society // *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 51, March. P. 371–375; Freeman F.D. The army as a social structure // *Social Forces*. 1948. Vol. 27. P. 78–83; Lang K. Military Institutions and the Sociology of War. A Review of the Literature with Annotated Bibliography. Beverley Hills, e. a., 1972; George G. Primary groups, organisation and military performance // *Handbook of Military Institutions* / Ed. P.W. Little. Beverley Hills, 1971. P. 293–318; The Social Psychology of Military Service / Ed. N.L. Goldman and D.R. Segal. Beverley Hills; Sage; L., 1976.

⁶⁷ Гуревич А.Я. Территория историка // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1996. С. 107.

в практически-исследовательском плане – вопрос о соотношении и взаимном опосредовании в воинской ментальности различных пластов и компонентов, а именно: военно-этических норм и ценностей, религиозных представлений, исходных и новообразованных парадигм римской официальной идеологии и тех идейных комплексов, которые принято называть общественно-историческими мифами⁶⁸. Мы уже указали на предельную широту и растяжимость понятия ментальности. Как верно отмечает в связи с этой его характеристикой А.Я. Гуревич, «для того чтобы историк мог с ней [ментальностью] совладать, ее необходимо структурировать, и это поможет более глубокому пониманию исторической целостности»⁶⁹. Можно разделить также мнение П. Динцельбахера, согласно которому история ментальности – это нечто большее, нежели изучение интеллектуальных концепций элит или отдельных мыслителей, это больше, чем история идеологии или религии, чем история эмоций и представлений. Все перечисленное – своего рода вспомогательные дисциплины по отношению к истории ментальностей. Сказать, что описана определенная ментальность, можно только тогда, когда результаты, полученные в рамках этих дисциплин, объединяются в некую уникальную комбинацию характерных и взаимосвязанных элементов⁷⁰. Вполне очевидно, что ментальность не может быть сведена ни к психике⁷¹, ни к идеологии⁷². В то же время изучение коллективной морали, психологии и конкретной субкультуры, как и ментальности в целом, не может отрываться от верхнего слоя общественного сознания – идеологии, которая питается и окрашивается социальной психологией и, в свою очередь, влияет на ее формирование⁷³. По справедливому замечанию М. Рожанского, «идеологические средства способны активизировать определенные аспекты ментальностей, но они, по-видимому, в большей мере их высвечивают и выявляют, нежели создают, ибо пускают корни в обществе преимущественно лишь те стороны идеологии, которые находят себе почву в ментальностях, перерабатываются в соответствии с ними»⁷⁴.

На наш взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые центральным компонентом в «структуре» ментальности признают ценности, типичные для данной группы и образующие определенную иерархию⁷⁵. В самой же системе ценностных ориентаций того или иного коллективного субъекта необходимо различать по меньшей мере два уровня: один относится к *этике*, т. е. к формальному, как правило, публично санкционированному и поощряемому в данном обществе, часто идеологически обоснованному поведенческому коду, нормативному идеалу; второй же принадлежит к сфере практической морали, воплощенной в нравах, привычках, суждениях и оценках, которыми пользуются члены группы в своей повседневной жизни. Для обозначения этого последнего наиболее подходящим нам кажется понятие

⁶⁸ Исключительно глубокую трактовку данной категории дает в своих работах Г.С. Кнабе: *Кнабе Г.С.* Римский миф и римская история // Жизнь мифа в Античности: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения—1985». Вып. XVIII. Ч. 1. М., 1988. С. 241–252; *он же*. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // *Тит Ливий*. История Рима от основания Города: В 3 т. Т. III. М., 1993. С. 590–655; *он же*. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 456–466. См. также: *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. В 2 т. Т. I. М., 1985. С. 35 сл.

⁶⁹ *Гуревич А.Я.* Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // Споры о главном... С. 50.

⁷⁰ *Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen* / Hrsg. von P. Dinzelsbacher. Stuttgart, 1993 (цит. по: История ментальностей... С. 98).

⁷¹ Мы склонны согласиться с В.А. Шкуратовым, что ментальность вообще альтернативна понятию психики (*Шкуратов В.А.* Указ. соч. С. 120–121).

⁷² *Burke P.* History and Social Theory. Cambridge, 2000. P. 94–96; *Vovelle M.* Idéologies et mentalités. P., 1982. P. 1–12.

⁷³ *Мадиевский С.А.* Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1973. С. 30; *Сеиявская Е.С.* Теоретические проблемы военной антропологии... С. 23–24; *она же*. Военно-историческая антропология как новая отрасль... С. 14

⁷⁴ *Рожанский М.* Указ. соч. С. 456.

⁷⁵ Ср. точку зрения Ж. Ле Гоффа: «Оно [понятие ценностной ориентации] позволяет учитывать при изучении истории динамику, изменение; оно охватывает феномен человеческих желаний и устремлений; оно восстанавливает этику прошлых обществ» (*Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 26).

этоса в том содержании, в каком оно используется, например, в известной работе М. Оссовской, которая резонно противопоставляет этику как теоретическую дисциплину *этосу*, определяя последний как стиль жизни какой-то общественной группы, принятую в ней иерархию ценностей, которые не совпадают с теми, что являются предметом этики⁷⁶. Применительно к военной сфере можно говорить, соответственно, о воинской этике и воинском *этосе*. В некоторых аспектах они, по всей видимости, могут пересекаться и согласовываться, становиться взаимозаменяемыми понятиями, в других же – серьезно расходиться и даже противоречить друг другу. Чтобы наглядно представить различие между воинской этикой и воинским *этосом*, достаточно сопоставить, к примеру, такие понятия, как «карьеризм» и «честолюбие», «круговая порука» и «воинское товарищество», «личная преданность» и «верность долгу», «корыстолюбие» и «честь». Реальный воинский *этос*, таким образом, включает и позитивные, и нейтральные, и даже осуждаемые с точки зрения морального идеала качества. По нашему убеждению, его надлежит рассматривать как эмпирическое восприятие и практическую реализацию в солдатской среде того военно-этического кодекса, который, с одной стороны, вырабатывается непосредственно в практике военной деятельности и повседневной жизни армии, а с другой – предъявляется обществом и государством вооруженным силам, официально пропагандируется и закрепляется в сакральных и правовых нормах.

Этот неписанный военно-этический кодекс, несомненно, в значительной мере ориентирован на парадигмы римских общественно-исторических мифов, которые, в отличие от пропагандистских фикций, активно воздействовали на самочувствие, самоидентификацию и поведение личностей и масс, будучи основанными на характерных и на протяжении очень длительного времени актуальных для римского социума социально-психологических структурах⁷⁷. На непосредственную взаимосвязь этих мифов и постулатов воинской этики с реальным воинским *этосом* может указывать известное совпадение системы таких базовых понятий, как *virtus*, *honor*, *fides*, *pietas* и др., которые использовались как римскими идеологами в характеристиках нормативных воинских качеств и в описаниях реальных поступков солдат, так и в текстах, происходящих из самой армейской среды. Фундаментальные для римской цивилизации идеологемы и мифологемы оказывали на армию, учитывая сильный консерватизм ее устоев, влияние не меньшее, а скорее, даже и большее, чем на другие группы населения империи, но и сами они, в свою очередь, подвергались определенной селекции и мутациям в военной среде, приспосабливаясь к ее нуждам и испытывая воздействие тех перемен, которые имели место в военных структурах и социально-политических устремлениях солдатской массы. Одни и те же категории, несомненно, по-разному звучали в военном и гражданском мирах. Поэтому принципиально важно выяснить собственно военное, профессионально-корпоративное наполнение и смысл тех или иных категорий, характеризующих различные добродетели и пороки, идеалы и особо почитаемые ценности, многие из которых имеют в Риме с его милитаристской культурой военные истоки, как например, всеобъемлющее понятие римской *virtus*.

Необходимо также иметь в виду, что этические ценности тесно взаимосвязаны с нормами, но не совпадают с ними. Если первые в большей степени соотносятся с целеполагающими сторонами человеческой деятельности, то вторые тяготеют преимущественно к средствам и способам ее осуществления. Разумеется, нормативная система основывается на внутренней монолитности и более жестко детерминирует деятельность, чем ценности, ибо нормы не имеют градаций (им либо следуют, либо нет, рискуя оказаться под воздействием соответствующих санкций), тогда как ценности различаются по «интенсивности» и имеют

⁷⁶ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск. М., 1987. С. 26.

⁷⁷ Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия... С. 646–647.

иерархическую градацию. Эти теоретические выводы Л.И. Иванько⁷⁸, бесспорно, применимы для анализа механизмов регуляции поведения и в армии, функционирование которой в первую очередь базировалось на жестко предписанных нормах, зафиксированных в воинских уставах и правилах субординации. И если изучение этих норм предполагает системный анализ эволюции военно-организационных структур, военного права, системы чинов, воинских ритуалов и т. п., то исследование ценностных ориентаций римских солдат неизбежно выходит на такие области исследования, как религия и социальная психология, официальная идеология и пропаганда, общественно-историческая мифология. Очевидно, что только такой подход, учитывающий также специфику армии как социального организма и государственного института, позволяет исследовать воинскую ментальность как некую целостность, руководствуясь внутренними связями и приоритетами той системы ценностей, с которой соотношались сами древние. Нельзя не согласиться с мыслью французского историка Ж.-М. Давида, что правильный метод для реконструкции присущего человеку прошлого *Weltanschauung* состоит в систематизации всех признаков, характеризующих нормы поведения: это лексемы, описывающие набор добродетелей и пороков, положительные и негативные суждения, провозглашаемые идеалы и наказуемые нарушения, перечни образов и поступков, использовавшиеся как примеры. Для воссоздания кодов римской этики необходимо сопоставлять все эти признаки и выстраивать их ряды, выявляя тем самым топику праведных и неправедных поступков, предопределявшую конкретный выбор поведения⁷⁹. При этом, подчеркивает Давид, следует «твердо придерживаться той точки зрения, что чувства, которые кажутся нам вполне одинаковыми для всех обществ, были совершенно своеобразными, внутренне определенными, а Цицерону или Тациту придавать значения не больше, чем этнологу своим информаторам из племени бороро»⁸⁰. Такой подход действительно оправдан в изучении не только эмоций, морали и типичных психологических реакций, но и тех идейных комплексов, которые на уровне ментальности представляют собой, по словам А.Я. Гуревича, «не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет»⁸¹.

Заслуживают самого пристального внимания и некоторые из идей, высказанных П. Берком. Чтобы приблизиться к разностороннему постижению ментальности, необходимо, по его мнению, интенсивнее изучать такие три рода феноменов, как интересы, категории, структурирующие различные картины мира, и метафоры⁸². Если обращение к проблеме интересов (в особенности в моменты конфликта разных интересов в сознании человека) позволяет посмотреть на ментальность «снаружи», со стороны социальных условий, то углубленное изучение языка (прежде всего «господствующих метафор») предполагает взгляд «изнутри». Что же касается категориальных, классификационных схем, то они позволяют представить ментальность как сумму или пересечение разных микропарадигм и мыслительных стереотипов, которые не только взаимно увязаны, но могут приходиться в противоречие друг с другом. С одной стороны, они приближаются к господствующим метафорам, а с другой – связаны с интересами и стремлением к власти различных социальных групп. Интереснейшие примеры подобных представлений и метафор в большом числе обнаруживаются в римских источниках. Достаточно вспомнить, что во многих литературных и даже юридических текстах (например, CTh. VII. 1. 8; 13.

⁷⁸ Иванько Л.И. Ценностно-нормативные механизмы регуляции // Культурная деятельность: опыт социологического исследования. М., 1984. С. 50–51.

⁷⁹ Ср. с мнением Ж. Ле Гоффа о том, что при изучении источников нужно обращать внимание не столько на «что», сколько на «как», выявляя прежде всего топоры – эту «соединительную ткань духа» (*Le Goff J. Les mentalités: une histoire ambiguë // Mentalitätengeschichte. Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse...* Р. 27. Цит. по: История ментальностей... С. 42).

⁸⁰ Давид Ж.-М. Ответ Георгию Степановичу Кнабе // ВДИ. 1995. № 2. С. 212–213.

⁸¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»... С. 231.

⁸² Burke P. Strengths and weaknesses of the history of mentalities...

16; 20. 10) слово *sudor*, «пот», и производные от него обозначают военную службу⁸³, которая в общественном сознании представлялась как отсутствие праздности, постоянные ратные труды и тяготы, составлявшие и героическую норму армейской жизни, и надежное средство пресечь ослабление дисциплины, в чем были напрямую заинтересованы власти и интеллектуальная элита, «производившая» соответствующие тексты.

В литературе неоднократно отмечалось, что сила воздействия ментальных структур (социальных норм, этических ценностей, коллективных представлений) на поведение людей заключена в их длительности, в том, что они проявляются как некие унаследованные от прошлого рамки⁸⁴. История ментальностей, по определению Ж. Ле Гоффа, есть история замедлений⁸⁵. Ее невозможно изучать на коротких временных промежутках. Генезис и эволюция ее базовых параметров связаны, как правило, с латентными сдвигами, которые бывает очень трудно обнаружить в источниках. Поэтому вполне закономерна при ее изучении переориентация мысли исследователя, работающего в русле историко-антропологического подхода, с динамики и диахронии на статику и синхронию, с развития на функционирование⁸⁶. Помимо всего прочего, такая переориентация, очевидно, связана и с присущим современному историческому познанию отчетливым пониманием нелинейного характера исторического времени и цикличности исторических процессов. Это побуждает интересоваться инвариантными, воспроизводимыми во времени явлениями, конкретной интерпретацией в различные временные периоды «вечных» человеческих ценностей. По существу речь идет о признании в качестве исследовательского приоритета тех инвариантных на протяжении длительного времени традиций и тех функциональных связей между историческими факторами, которые образуют содержательную характеристику понятия «цивилизация»⁸⁷.

Следуя этой теоретической установке в конкретном исследовании, нужно иметь в виду, что общества не только и столько эволюционируют, сколько *воспроизводятся*, стремясь воссоздать организующие их экономические, социальные, концептуальные и воображаемые структуры, этические системы в том числе; именно понятие воспроизводства может служить ключом для решения вопроса об отношении между этической системой (шире – ментальностью) и другими механизмами, обеспечивающими функционирование общества в целом⁸⁸ (или его определенного сегмента). В числе важнейших механизмов такого рода следует выделить культурные традиции, которые в современной теории культуры трактуются расширительно – как интегральное явление, пронизывающее все сферы общественной жизни и синтезированно выражающее самые разнообразные виды групповых, социально организованных стереотипов человеческой деятельности. Как информационная характеристика культуры, традиции аккумулируют принятый группой, т. е. социально стереотипизированный, опыт и обеспечивают его пространственно-временную передачу и воспроизводство в различных человеческих коллективах⁸⁹. В таком широком значении понятие культурной традиции позволяет охватить не

⁸³ Аналогичным образом в литературных источниках употребляется и слово *sarcina* (переносимое солдатом снаряжение). См.: *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 118 sg. В этом плане, наверное, стоит обратить внимание на одну примечательную особенность, отличающую римское понимание сути военного дела от греческого и проявившуюся, в частности, в сфере изобразительного искусства. Если в греческих изобразительных памятниках отсутствуют сцены с воинами, занятыми инженерными и строительными работами, то в римском искусстве они представлены достаточно широко, особенно выразительно – на таких шедеврах, как рельефы победных колонн, воздвигнутых императорами Траяном и Марком Аврелием. Резонно задаться вопросом: не является ли подобная героизации повседневного ратного труда, в конечном счете, изоморфной крестьянской сущности римской *civitas*?

⁸⁴ *Ленни Б.* Общество как единое целое. О трех формах анализа социальной целостности // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 163.

⁸⁵ *Le Goff J.* Les mentalités: une histoire ambiguë... P. 23 (цит. по: История ментальностей... С. 41).

⁸⁶ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов»... С. 282.

⁸⁷ *Хвостова К.В.* История: проблемы познания // *ВФ.* 1997. № 4. С. 69.

⁸⁸ *Давид Ж.-М.* Указ. соч. С. 213 сл.

⁸⁹ *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 153–154; 162;

только обычаи, ритуалы и поведенческие установки, но и ряд родственных им форм, в том числе юридически регламентированные установления, а также все формы устойчивой организации коллективной жизни, основанные на научении⁹⁰. Последний момент ни в коем случае не должен игнорироваться, ибо, как справедливо отмечает П. Бёрк, традиции не сохраняются автоматически, благодаря «инерции», но в значительной мере передаются в результате упорной работы различных агентов социализации (родителей, учителей и др.)⁹¹. Иначе говоря, в социокультурных традициях закрепляется сознательный, прошедший длительную апробацию, а иногда и целенаправленно заимствуемый и «изобретаемый» опыт людей, и поэтому они неотделимы от ментальности и других форм общественного сознания. При этом принципиально важно, что традиции, транслируя структурно упорядоченный опыт, выступают как специфический способ социального наследования и групповой самоидентификации⁹².

Принимая во внимание все эти теоретические выкладки и учитывая столь характерные в целом для Древнего Рима консерватизм и приверженность старозаветным традициям, *mos maiorum*, а также особую консервативность античных военных установлений (связанную, разумеется, и с практически неизменным на протяжении веков техническим базисом), не будет преувеличением сказать, что континуитет и трансформации в военных традициях (относящихся к системе комплектования и подготовки войск, взаимоотношениям солдат и военачальников, воинским ритуалам и религии, к системе наград и т. д.), по существу, определяют всю историю римской армии. Основы этих традиций обнаруживают поразительную устойчивость и живучесть в течение многих столетий – от времен ранней республики до эпохи домината. Передаваемые из поколения в поколение благодаря как самим базовым принципам построения римских вооруженных сил, так и сознательной деятельности военачальников и командиров, эти традиции, укорененные в полисных институтах и римском «национальном» характере, позволяли армии императорского Рима оставаться, несмотря на все внутренние и внешние изменения, именно *римской* даже тогда, когда в ее составе практически не осталось уроженцев Рима и Италии. Изучение этих традиций самым непосредственным образом связано с одной из «осевых» проблем римской истории императорского времени. Это проблема взаимодействия, взаимоопосредования республикански-полисных традиций и нивелирующих тенденций централизованной сверхдержавы. Противоречивое, подвижное единство этих начал, то, что Г.С. Кнабе метко назвал «республикански-имперской двусмысленностью государственного бытия»⁹³, наглядно обнаруживается в самых различных сферах и структурах Римской империи, в том числе и в армии. Только в проекции этого основополагающего противоречия можно понять те сдвиги и мутации, которые неизбежно возникали в ходе исторического развития и со временем закреплялись в новых традициях и в сознании как самого военного сообщества, так и различных слоев римского социума. Разлады и конфликты традиционных установок с новыми взглядами, потребностями и интересами, достигавшие порой высокого напряжения, были движущей силой этого развития.

Итак, с теоретической и междисциплинарной точек зрения, представляется очевидным, что разнообразные военные традиции, рассматриваемые в социокультурном плане с акцентом на их ментальных компонентах, являются одним из первостепенных по значимости факторов, который обеспечивал воспроизводство римской военной организации и как определенной самодостаточной целостности, и как одного из важнейших элементов римской цивилизации. В

170; *он же*. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80 сл. См. также дискуссию по этой статье: Советская этнография. 1981. № 2. С. 97–115; № 3. С. 45–78.

⁹⁰ Маркарян Э.С. Теория культуры... С. 162.

⁹¹ Burke P. History and Social Theory... P. 125.

⁹² Бернштейн Б.М. Традиции и социальные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 108; Данилова Л.В. Традиция как специфический способ социального наследования // Там же. № 3. С. 48–49.

⁹³ Кнабе Г.С. Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 67.

традициях органически сплавляются воедино эмпирически выработанные способы коллективной деятельности и взаимоотношений в различных группах, имплицитные ценностные установки, автоматизмы сознания и целенаправленно прививаемые путем воспитания и обучения профессиональные навыки и нормы поведения, символические практики, правовые и сакральные установления, глубинная историческая память, ментальные «архетипы» и творческие усилия конкретных людей по осмыслению и использованию опыта предшествующих поколений в меняющихся жизненных условиях. Системное исследование этого сложного «сплава» является одним из базовых плацдармов для достижения того исторического синтеза, к которому стремится современная антропологически ориентированная наука, ставящая в центр внимания целостного человека, единство социальных, духовно-психологических, профессиональных и прочих аспектов его бытия. Разумеется, до решения этой глобальной задачи пока еще очень далеко. Ясно, что работа в данном направлении предполагает полидисциплинарный подход, обращение к концепциям ряда наук (в частности, к военным отраслям социологии и социальной психологии), а также использование всей совокупности достижений современных исследований конкретных сторон жизнедеятельности и эволюции римской армии.

Таким образом, в предлагаемой вниманию читателей книге предпринята попытка последовательно, «синтетически» реализовать в изучении римской императорской армии историко-антропологический, социоисторический и цивилизационный подходы, интерпретируя социально-политические и ментально-идеологические параметры римской военной организации в их неразрывном единстве и взаимообусловленности, с максимальным учетом общеисторического контекста. Основной акцент при этом делается на выявлении продолжающегося бытия исконных традиций и ценностей, на их трансформации во взаимодействии с теми новыми установлениями, что появлялись в жизни армии и военных структурах в ходе исторического развития Римской державы.

Глава I

Источники и проблемы их интерпретации

Литературные и юридические источники

Нашему стремлению познать традиции, систему ценностей и идеологию римской армии поставлены достаточно жесткие пределы составом и характером имеющихся у нас в распоряжении свидетельств, хотя, по сравнению с греческим или македонским воином классического и эллинистического времени, римскому солдату, казалось бы, сильно повезло: в источниках он представлен гораздо разностороннее и полнокровнее своих «коллег». Исследователи императорской армии располагают внушительной по своему объему совокупностью самых разнообразных данных о ее жизнедеятельности и духовном облике, в том числе и теми, которые происходят непосредственно из армейской среды: многочисленными надписями, остраками и папирусными документами официального и частного содержания, любопытными образцами солдатского жаргона и фольклора, доносящими до нас *viva vox* римских солдат, изобразительными памятниками и многочисленными материальными остатками. Поэтому говорить о солдатах императорской армии как о совершенно безмолвствующей, безликой и безымянной массе было бы преувеличением. Понятно, что в силу особенностей римской истории войны, а стало быть, армия и военные деятели неизменно находились в центре внимания античных историков. Для императорского периода мы располагаем также многочисленными юридическими текстами, посвященными правовому статусу военнослужащих и военно-уголовному праву, богатым нумизматическим материалом, отражающим идеологические и пропагандистские приоритеты властей. Вместе с тем специфика предмета и хронологические рамки исследования диктуют особые подходы к отбору и методам интерпретации источников. Многоаспектность рассматриваемой проблематики предполагает привлечение всей совокупности имеющихся источников, разнообразных в типологическом, жанровом и хронологическом отношениях. Эти источники, которые можно подразделить на нарративные (литературные), юридические, эпиграфические, папирологические, нумизматические, лингвистические и археологические, далеко не равноценны по объему, репрезентативности и достоверности содержащейся в них информации.

Для изучения традиций и ментальности римской армии первостепенное значение имеют литературные источники. Это и памятники греческой и латинской историографии и ораторской прозы разных жанров, и произведения римских поэтов, и специальная военно-научная и антикварная литература, и произведения христианских авторов. Но при обращении к этому роду источников возникает немало серьезных проблем. И не только потому, что «каждый жанр, каждая культурно-значимая разновидность текста отбирает свои факты»⁹⁴. Действительно, в литературных текстах *miles Romanus* предстает в самых различных (хотя и далеко не во всех) своих «ипостасях» и, главное, в активном действовании, в моменты боевых событий и политических потрясений, гораздо реже – в обыденных мирных условиях. Однако в абсолютном большинстве случаев его активность и внутренний мир показаны «извне», отнюдь не в нейтральном, но в идеологически насыщенном и литературно организованном повествовании. Встречаясь на страницах литературных произведений с римскими военными, мы оказываемся перед лицом особой литературно-риторической реальности, которая создавалась людьми, отделенными, как правило, от рядовой солдатской массы огромной социальной и культурной

⁹⁴ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 304.

дистанцией. Эти люди имели собственные ценностные приоритеты и предубеждения, преследовали в своих сочинениях определенные политические и идеологические цели, были наделены к тому же неодинаковой мерой таланта и способности проникнуть в духовный мир своих персонажей.

Конечно, не следует думать, что все эти моменты создавали непреодолимые преграды для глубокого понимания психологии рядового воина со стороны тех аристократов и «интеллектуалов», которые брались за перо и обращались к военной тематике. Некоторые римские авторы либо сами были военными деятелями с большим опытом, как Юлий Цезарь, Веллей Патеркул или Аммиан Марцеллин, либо имели родственников из числа офицеров, как например, Светоний, так что точность их суждений о римском солдате вполне сопоставима с их суждениями о людях своего круга⁹⁵. Тем более интересны и показательны выносимые ими оценки тех или иных военачальников. Кроме того, нужно иметь в виду, что гуманитарно-литературное образование античного времени давало человеку достаточно разносторонние познания, в том числе и в военном деле, включая исторические примеры и общие места, которые, очевидно, были не просто голой риторикой, но воплощали действенный опыт многих поколений⁹⁶. Но в целом в литературных текстах, независимо от их жанра и авторства, мы имеем дело с определенными образами римского солдата и римского полководца, складывающимися, как и все прочие литературные образы, из множества компонентов: универсальных и индивидуальных черт, сюжетных контекстов, стандартных лексем, описывающих добродетели и пороки, ассоциативных рядов, оценочных авторских интонаций и т. д. При этом набор базовых характеристик и оценок римского солдата (конца республиканского периода и императорского времени) обладает поразительной устойчивостью, повторяясь в практически неизменном виде в сочинениях самых разных по времени создания, содержанию, жанрам, авторской манере, политическим тенденциям и художественным достоинствам. Как литературный тип, как обобщение, художественное по своему существу, образ римского воина есть некий код, точнее, совокупность различных кодов – сюжетных, жанровых, идеологических, социальных, которые особым образом зашифровывают и преломляют эмпирическую реальность. Поэтому, чтобы приблизиться к пониманию самой этой реальности, необходимо отдавать себе отчет в такой «непрозрачности» литературных свидетельств. В первую очередь важно обращать внимание не столько на то, *что* говорится древними авторами о римском воине, сколько на то, *как* это говорится, не столько на присущие отдельным произведениям особенности в трактовке образа римского солдата, сколько на общие для всей античной литературы идейные установки и оценки. Без выявления и анализа соответствующих общих мест невозможно прояснить факты и черты, характеризующие собственно солдатскую ментальность. Все эти *loci communes*, кроме того, интересны и показательны сами по себе – как выражение определенных граней общественно-политического сознания эпохи. Стереотипность и эмоциональная окрашенность дискурса с достаточной определенностью указывают не только на устойчивую литературную традицию, но и на те проблемы, которые были действительно значимы, злободневны для античных писателей и их аудитории. Подробно на этой теме мы остановимся ниже (см. главу III). Пока же констатируем следующее.

Для нашего исследования важны не столько особенности индивидуальных взглядов того или иного античного автора, сколько некие общие идеи, словесные штампы, идеологические

⁹⁵ Lendon J.E. *Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World*. Oxford, 1997. P. 238.

⁹⁶ При наличии врожденных способностей таких книжных сведений могло оказаться достаточно, чтобы сделаться, подобно императору Юлиану, хорошим военачальником, даже не обладая никакой специальной подготовкой и опытом, шагнув на военное поприще прямо со «школьной скамьи» (см. Liban. *Or.* XVIII. 38–39; 53; 72; 233). См.: Махлаюк А.В. Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2003. С. 30–35.

клише и устойчивые оценки, с помощью которых мыслилась, описывалась, оценивалась, а в конечном счете и воспроизводилась (транслировалась) из поколения в поколение та или иная модель поведения и восприятия. Обращаясь к литературным топосам, мы, конечно, имеем дело с риторикой, которая – будь то собственно ораторская проза, эпическая поэзия или же сочинения историографического жанра – очень часто бесконечно далека от реальной действительности. Но надо иметь в виду, что для античного взгляда на вещи, в противоположность современному, общее место, по верному замечанию С.С. Аверинцева, есть «нечто абсолютно необходимое, а потому почтенное. Общее место – инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать пестроту легко обозримой для рассудка»⁹⁷. Поэтому античная риторика предстает как подход к обобщению действительности. С этой точки зрения очень многое может дать использование малодостоверных или даже фиктивных источников, ибо, каким бы ни было их отношение к факту, все они показывают, как люди прошлого воспринимали и мыслили порядок вещей, что они ожидали от солдат и военных лидеров. «Если на протяжении нескольких веков и обширных пространств люди высказывают одни и те же предположения и повторяют одну и ту же ложь, – замечает в этой связи Дж. Лендон, – то, значит, мы имеем возможность сделать определенные заключения из этих предположений и лжи»⁹⁸.

Дошедшие до нас литературные памятники в большинстве своем чрезвычайно далеки от породившей их человеческой активности. Сведения этих памятников об эмпирических феноменах отделены от них различными механизмами культурной трансляции. Поэтому реально (по крайней мере на первом этапе исследования) приходится восстанавливать характеристики не сознания людей прошлого, но порождающих их социокультурных систем⁹⁹. Важно при этом помнить, что «историко-культурному целому источника соответствует историко-социальное целое явления, общества...»¹⁰⁰. Для того чтобы понять ментальность людей прошлого, как авторов, так и тех людей, о которых они писали, необходимы вхождение в знаковую и понятийную системы создателя текста, семантический анализ терминов и категорий, используемых им и так или иначе отражающих типичные представления эпохи; необходим также формальный анализ речевой стихии, направленный на выявление структуры текста, которая отражает сознательное или неосознанное стремление его создателей подчеркнуть те или иные высказывания¹⁰¹. «Фактура» и смысл исторических феноменов (в том числе, а может быть, и в первую очередь, феноменов, относящихся к сфере ментальностей и идеологии) неотделимы от тех нарративно-литературных форм, в каких они предстают перед нами, становясь объектом изучения. Любой более или менее значимый исторический феномен становится познаваемым, если он выделяется как таковой из общего нерасчлененного потока исторического бытия, фиксируется и маркируется – терминологически, семантически, идеологически и т. д. – в тех или иных текстах, а в конечном счете – в сознании самих субъектов истории и носителей исторической памяти и рефлексии. Каждая эпоха имеет присущие ей ракурсы и приоритеты видения, способы презентации общественных явлений. Эти приоритеты, естественно, могут не совпадать с теми, которые есть у современных исследователей. То, что в первую очередь интересует современного историка, очень часто мало интересовало или находилось на периферии созна-

⁹⁷ Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 16. Ср. *он же*. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 18.

⁹⁸ Lendon J.E. Op. cit. P. 28. Ср. также другое его замечание: «Если историческая традиция изображает честь как важный элемент управления, значит честь – нечто большее, нежели риторика: она, по меньшей мере, есть идеология» (Ibid. P. 25).

⁹⁹ Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, перераб. изд. М., 1997. С. 87.

¹⁰⁰ Смирин В.М. Историк, источник, принцип историзма (По поводу книги К. Гопкинса «Завоеватели и рабы») // ВДИ. 1980. № 4. С. 86.

¹⁰¹ Хвостова К.В., Фиш В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 67.

ния историка древнего, который к тому же располагал совсем другим понятийным аппаратом, системой представлений, не говоря уже о том, что он был политически и идеологически ангажирован. Поэтому исторические феномены не могут и не должны изучаться в отрыве от анализа тех форм, в каких эти феномены представлены в источниках.

Конкретизируя эти общеметодические подходы применительно к нашей теме, можно, в качестве примера, обратить внимание на одну весьма симптоматичную особенность, присущую большей части нарративных античных источников: сами древние оценивали общественно-политическую роль и боевые качества армии преимущественно, если не исключительно, с морально-этической точки зрения, в категориях популярной концепции «упадка нравов». Было бы упрощением в таком подходе видеть только концептуальную ограниченность античных историков и писателей, не способных оценить действие фундаментальных социальных, политических и прочих факторов. Очевидно, что здесь проявляется та незыблемая убежденность в приоритете морального начала, которая вообще характерна для античного сознания. Следует также признать, что концентрированный морализм в изображении солдата и военной жизни непосредственно указывает на действительную значимость морального состояния войск, воинского духа в функционировании военной машины. Таким образом, выясняя, какими типическими чертами наделяются римские военные в литературных текстах, какие предъявлялись им моральные требования, можно установить ту систему координат, из которой исходили сами древние в своих взглядах на армию, и на этой основе отбирать в имеющихся свидетельствах и оценивать те или другие факты, способные пролить свет на ценностные доминанты простых воинов. Иначе говоря, такой подход позволяет судить о структуре и содержании солдатской ментальности в соответствии с внутренними связями системы ценностей самих древних, с учетом того духовного универсума эпохи, который определял сознание и поведение людей прошлого¹⁰². При таком подходе приходится обращаться в первую очередь к наиболее крупным произведениям, дающим очень многое для понимания культурного фона эпохи. Это особенно важно и неизбежно для изучения тех эпох, от которых дошло слишком мало данных о рядовых людях. «...Надо только увидеть, – подчеркивает А.И. Зайцев, – что автор такого произведения принимает за самоочевидное и бесспорное, а что он отвергает с особым эмоциональным накалом»¹⁰³.

Пожалуй, наибольший объем информации предоставляет в наше распоряжение римская историография. При обращении к ее памятникам следует учитывать ее характерные черты и принципиальные установки, сохранявшиеся в той или иной степени на всем протяжении ее существования – от ранних анналистов до позднеримских историков. В их числе исследователи¹⁰⁴ отмечают консервативность творческих принципов, сознательную обращенность к современности, патриотичность и апологетичность, морализаторство, приверженность исконным моральным ценностям, воплощавшимся в идеализированных образах героев прошлого, риторичность и частую подмену исторически достоверного литературно правдоподобным. История Рима и в классических, и в более поздних произведениях римской историографии – в трудах Саллюстия, Цезаря, Тита Ливия, Веллея Патеркула, Тацита, Аннея Флора, Аммиана Марцеллина и др., а также в смежных с ними жанрах (например, в книге Валерия Максима или в императорских биографиях Светония и отчасти у *Scriptores Historiae Augustae*) воссо-

¹⁰² Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М., 1990. С. 86.

¹⁰³ Зайцев А.И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // *Одиссей. Человек в истории*. 1990. М., 1990. С. 15.

¹⁰⁴ См., например: Утченко С.Л. Некоторые тенденции развития римской историографии III–I вв. до н. э. // *ВДИ*. 1969. № 2. С. 66–74; *он же*. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М., 1977. С. 99–116; Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // *Тит Ливий. История Рима от основания Города*: В 3 т. Т. III. М., 1993. С. 590–655; Альбрехт М., фон. История римской литературы / Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. М., 2002. С. 404–414.

здавалась, по существу, как некий общественно-исторический миф, выражающий основополагающие ценностные ориентации римского народа (*mores maiorum*). Этим задается определенная шкала оценок. Современная авторам действительность чаще всего трактуется как время деградации старинных доблестей. Соответствующим образом по преимуществу и оцениваются деяния и моральный облик римских солдат и военачальников. Но даже у историков императорского времени при описании внешних войн негативные черты профессионального солдата, как правило, элиминируются и на первый план выдвигаются исконные римские качества: дисциплина, стойкость, выучка, доблесть и т. д. Ориентация на героические или, наоборот, негативные примеры обуславливает появление на страницах исторических трудов ярких портретов римских военных деятелей и – реже – простых воинов, которые предстают как олицетворение тех или иных качеств. В эпоху империи в исторических сочинениях центральное внимание уделяется фигурам императоров, в характеристике которых немалое место занимает освещение их военных способностей и взаимоотношений с войском.

Не меньшую ценность представляют и сочинения греческих историков и авторов иной «национальной» принадлежности, но использовавших греческий язык и писавших как о ранней истории Рима, так и об императорском времени: Полибия, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Иосифа Флавия, Плутарха, Аппиана, Диона Кассия, Геродиана и др. Ценность сведений греческих авторов заключается, помимо всего прочего, еще и в том, что они представляют своего рода сторонний взгляд, взгляд людей иной культуры, на римскую военную организацию и акцентируют в ней такие черты, которые самим римлянам казались очевидными и, как правило, специально не выделялись¹⁰⁵.

Важным источником для реконструкции системы воинских ценностей могут служить столь многочисленные в сочинениях античных авторов речи полководцев к войску, являвшиеся, с литературной точки зрения, неотъемлемым признаком жанра¹⁰⁶, а в более общем историческом плане – одним из проявлений вербального характера римской цивилизации, в которой «все начинается с речи, и война не исключение из этого правила»¹⁰⁷. При всей их искусственности и риторической условности они включали такие моменты, которые должны были и в реальности находить отклик в душах самих солдат, и, стало быть, эти речи могут характеризовать римские военно-этические ценности.

Из всех авторов I в. до н. э. для исследования древнеримской ментальности в целом огромную важность представляет богатейшее литературное наследие Цицерона, прежде всего потому, что одним из лейтмотивов его размышлений была исконная римская *virtus* – основа основ достигнутого Римом величия и могущества. Можно сказать, что в произведениях Цицерона, несмотря на его оригинальные идеи и политические метания, система ценностей Римополиса находит свое наиболее адекватное освещение и осознание. По словам Г.С. Кнабе, «для творчества Цицерона была характерна тенденция рассматривать реальную действительность на фоне действительности возвышенной и нормативной»¹⁰⁸. Сам его общественный идеал «имел в римской действительности глубочайшие основания и в этом смысле соответствовал ей. Общинно-патриархальная подоснова римской жизни, с которой был неразрывно связан этот

¹⁰⁵ Махлаюк А.В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход): Сб. ст. М., 2000. С. 259–272.

¹⁰⁶ О значении речей в античной историографии в целом и полководческих речей в частности см.: *Albertus J.* Die Παράκλητικοί in der griechischen und römischen Literatur. Dissertation. Strasbourg, 1908; *Woodman A.J.* Rhetoric in Classical Historiography. London; Sydney; Portland (Oregon), 1988; *Glücklich H.-J.* Rhetoric und Führungsqualität – Feldherrnreden Caesars und Curios // AU. 1975. Bd. 18. Hf. 3. S. 33–64; *Hansen M.H.* The Battle exhortation in ancient historiography. Fact or fiction? // Historia. 1993. Bd. 42. Hf. 1. P. 161–180; *Черняк А.Б.* Тацит и жанр парных речей полководцев в античной историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 150–162; *Кузнецова Т.И.* Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 203–228.

¹⁰⁷ Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи / Пер. с франц. М., 2001. С. 212–213.

¹⁰⁸ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 393.

идеал, сохранялась на протяжении всей Античности, постоянно сообщала новые силы общественным представлениям города-государства, и, пока стоял Рим, эти основы бытия народа не могли быть упразднены»¹⁰⁹. Некоторые из сформулированных Цицероном ценностных представлений можно отнести к нормативным военно-этическим качествам, составляющим главный предмет нашего исследования.

В плане изучения идеологических тенденций и ментальностей во времена империи особое значение приобретают памятники ораторской прозы. Обращаясь к ним как к историческому источнику, следует учитывать, что в имперскую эпоху, по сравнению с республиканским временем, существенным образом меняются общие установки, характер и содержание ораторского слова, роль которого как мощного орудия политической борьбы постепенно сходит на нет. Риторика все больше ограничивается областью красивых слов, форма получает перевес над содержанием. «Место республиканских ценностей, – пишет М. фон Альбрехт, – занимают доблести владыки; коррелятом со стороны подданных становится их гражданские и служебные достоинства... Долг оратора в лучшем случае заключается в том, чтобы служить государю зеркалом и косвенно сообщать ему ожидания граждан; в худшем... печальная историческая действительность скрывается за идеально-типическим придворным фасадом»¹¹⁰. Однако сама природа риторического слова такова, что «отношение к конкретному слушателю, учет этого слушателя вводится в само внешнее построение риторического слова», проявляется в «глубинных пластах смысла и стиля»¹¹¹. С этой точки зрения и риторические декламационные упражнения, и откровенно льстивые речи эпидейктического жанра могут многое сказать не только о мировоззрении отдельного оратора, но и о типичных представлениях его современников¹¹², поскольку даже риторические фикции не воспринимались аудиторией как противоречащие нормальному порядку вещей. «Больше того, риторическая обработка с ее заведомым произволом даже приближала предмет к существовавшему в общественном сознании “образу правдоподобности”»¹¹³. Среди известных образцов ораторского искусства императорского времени в плане изучения римских военно-этических представлений наибольший интерес представляют императорские панегирики, как на латинском, так и на греческом языке. Это прежде всего «Панегирик Траяну» – произнесенная Плинием Младшим в 100 г. н. э. на заседании сената благодарственная речь по случаю назначения его консулом¹¹⁴. Используя схему энкомия-биографии, Плиний славословит воинские доблести и военный опыт Траяна, подчеркивает его близость к простым солдатам, постоянную заботу о них, стремление служить им примером в воинских трудах. В изображении Траяна-полководца оратор явным образом ориентируется на республиканские традиции и идеалы, прямо уподобляя его древним героям. Плиниев «Панегирик», бесспорно, оказал огромное влияние на последующее развитие этого жанра, в течение столетий оставаясь образцом для подражания. Неслучайно эта речь открывает сборник из одиннадцати панегириков на латинском языке, произнесенных разными авторами в честь

¹⁰⁹ Кнабе Г.С. Цицерон, культура и слово // Цицерон, Марк Туллий. Избранные сочинения / Пер. с лат.; вступ. ст. Г.С. Кнабе. Харьков, 2000. С. 20.

¹¹⁰ Альбрехт М., фон. Указ. соч. С. 546.

¹¹¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 93.

¹¹² Ср. Альбрехт М., фон. Указ. соч. С. 548: «Духовная значимость речи основывается не в последнюю очередь на том, что она – в силу лежащей на ораторе задачи считается с общепринятым – отражает мировоззрение оратора и его публики таким способом, который почти не дает почувствовать различие между ними. В особой мере это осложняет интерпретацию... Нужны осторожность и осмотрительность, чтобы установить, где в каждом конкретном случае коренится искомое расхождение между мыслью оратора и публики».

¹¹³ Смирин В.М. Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) // ВДИ. 1977. № 1. С. 101.

¹¹⁴ Общую его характеристику (с указанием основной исследовательской литературы) см.: Кузнецова Т.И., Стрельщикова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. С. 207–227. Об образе идеального правителя в «Панегирике Траяну» см., например: Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II века н. э. М., 2000. С. 101 сл.

императоров (от Диоклетиана до Феодосия) в период от 289 до 389 г. н. э.¹¹⁵ Независимо от конкретных поводов произнесения, программной направленности и исторической достоверности этих речей, в центре внимания ораторов, в соответствии с канонами жанра, находятся добродетели и деяния восхваляемых правителей на военном и гражданском поприщах¹¹⁶. Как в языке и риторических приемах, так и в своих идейных установках панегиристы ориентировались на классические образцы. Говоря о воинских и полководческих доблестях императоров, об их взаимоотношениях с войском, авторы, с разной степенью подробности и с различными акцентами, используют традиционный набор категорий и топосов. Вместе с тем нельзя не учитывать вполне определенные, обусловленные конкретным историческим контекстом (а возможно, и индивидуальными позициями автора) нюансы в трактовке тех или иных аспектов.

Среди поздних грекоязычных авторов, работавших в панегирическом жанре, заслуживают быть отмеченными Либаний и его младший современник и ученик император Юлиан. В числе ранних произведений последнего сохранились два панегирика императору Констанцию II (Julian. Or. I; II). Написанные в довольно вычурной, искусственной манере, с многочисленными реминисценциями и цитатами классических авторов, эти речи содержат ряд пространных пассажей, посвященных воинским доблестям и полководческому искусству Констанция (Julian. Or. I. 2a; 8a; 11a – c; 16a; 37c; II. 87a – d и др.), который рисуется идеальным военачальником. В «Похвальной речи Констанцию и Константу» Либаний также развивает эту тему, хотя и делает это гораздо суше и сдержаннее (Liban. Or. LIX). Однако в речах, касающихся самого императора Юлиана, особенно в двух речах, написанных после его смерти в жанре эпитафии (Liban. Or. XVI; XVIII), оратор не жалеет красок, для того чтобы в полном блеске представить своего воспитанника в качестве образцового воителя и полководца. Все эти характеристики, опирающиеся на распространенные литературные клише, можно было бы счесть голой риторикой, если бы из других источников не были известны достаточно достоверные факты, свидетельствующие о том, что Юлиан вполне сознательно стремился следовать той парадигме полководца, которую сам обозначил в своих речах и на которую ориентировался также Либаний¹¹⁷.

Из ораторской прозы более раннего времени можно упомянуть речи (прежде всего четыре речи о царской власти) Диона из Прусы (ум. после 112 г. н. э.), получившего за свое красноречие прозвище Хрисостома (Златоуста), а также одну из известнейших речей другого софиста-ритора II в. Элия Аристида – «Похвальное слово Риму» (Or. 26 Keil), которая была произнесена ок. 143 г. в присутствии императора Антонина Пия¹¹⁸. Если у Диона мы находим лишь отдельные суждения, сравнения и образы из военной сферы¹¹⁹, а также развиваемые в рамках его концепции идеального правителя замечания о необходимых ему качествах и стиле взаимоотношений с войском (например, Dio Chrys. De reg. or. I. 28–30), то в речи Аристида, прославляющего благодетельность Римской державы, не только очерчен образ идеального императора, но дана подчеркнута апологетическая характеристика военной организации императорского Рима, отмечены ее профессионализм, эффективность системы комплектования, чинопроизводства и наград. Его взгляд интересен как выражение представлений, распространенных среди образованных классов эпохи Антонинов¹²⁰.

¹¹⁵ См.: *Шабига И.Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.

¹¹⁶ См., например: *Burdeau F.* L'Empereur d'après les Panégyriques Latins // *Burdeau F., Charbonnel N., Humbert M.* Aspects de l'Empire Romain. P., 1964. P. 1–60.

¹¹⁷ *Махлаюк А.В.* Император Юлиан как полководец...

¹¹⁸ О взглядах и идеалах Диона см.: *Шалимов О.А.* Указ. соч. С. 62–100, 145 сл. О датировке и исторических реалиях «Римской речи» Элия Аристида см.: *Oliver J.H.* The Ruling Power: A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia, 1953.

¹¹⁹ См.: *Sidebottom H.* Philosopher's attitude to warfare under the Principate // *War and Society in the Roman World* / Ed. J. Rich and G. Shipley. L.; N. Y., 1993. P. 241–264.

¹²⁰ *Oliver J.H.* Op. cit. P. 72 f. См. также: *Агафонов А.В.* Идеал императора в «Панегирике Риму» Элия Аристида // *Античность и Средневековье Европы. Сб. науч. тр. Пермь, 1996. С. 154–161.*

В отдельную группу литературных источников следует выделить полемологические трактаты, посвященные различным вопросам военного искусства. Некоторые из этих сочинений, обобщившие богатейший практический опыт и теоретические изыскания греков и римлян, несомненно, на деле использовались в свое время в качестве популярных пособий для изучения военной науки¹²¹. Если в Греции военная наука достигла высокого уровня развития еще в классическую эпоху, прежде всего в трудах Энея Тактика и Ксенофонта¹²², то в Риме ее основоположником стал М. Порций Катон Старший, среди многочисленных сочинений которого известна и книга «О военном деле», представлявшая, по-видимому, предназначенное для сына практическое руководство, подкрепленное ссылками на исторические примеры¹²³. Однако вплоть до эпохи империи, когда появился ряд специальных военных трактатов на латинском языке, римляне продолжали пользоваться трудами греческих авторов, признавая за эллинами бесспорный приоритет в сфере военной теории, о чем свидетельствует признание Вегеция (I. 1). Среди греческих авторов, писавших уже во времена ранней империи, особого внимания в плане исследования идеологии и практики военного лидерства заслуживает греческий писатель, философ-платоник Онасандр, перу которого принадлежит трактат «Стратегикос» («Наставление в полководческом искусстве»), посвященный Квинту Веранию, консулу 49 г. н. э., позже наместнику Британии¹²⁴. Хотя сам автор не был военным специалистом и в основном использовал греческую военно-научную традицию, в его труде (В.В. Кучма классифицирует его как «трактат-программу», который передает в будущее больше, чем получает из прошлого), пожалуй, впервые в античной литературе одно из центральных мест было уделено этическим проблемам военной теории, в частности, четко сформулированы критерии нравственного облика военачальника¹²⁵. Трудно, однако, согласиться с выводом В.В. Кучмы, что эти критерии лежали в сфере чистой абстракции и «фактически не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались». На наш взгляд, ни содержание, ни сочетание очерченных Онасандром качеств идеального военачальника не являются произвольными, поскольку, чтобы его сочинение достигло своей цели, он ориентировался не только на общие места из предшествующей литературы, но и на принятые в определенных кругах римской знати ценностные представления, на собственно римские традиции. Представляется, что его текст заслуживает более пристального анализа и реабилитации с этой точки зрения¹²⁶.

Среди сохранившихся военно-научных трактатов на латинском языке по широте затронутых вопросов и охвату материала выделяется труд позднеимперского писателя Флавия Вегеция Рената *Epitome rei militaris*, который можно рассматривать как синтез многовекового развития

¹²¹ См.: Neumann A. Römische Militärhandbuch // RE. Suppl.-Bd. VIII. Sp. 356–357; Campbell B. Teach yourself how to be a general // JRS. 1987. Vol. 77. P. 13–29; Перевалов С.М. Статья римским полководцем, читая греков // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 145–153.

¹²² См.: Кучма В.В. Очерк античной военно-теоретической литературы // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 12–36. Более подробные сведения о военно-теоретической литературе Античности можно найти в старом, но не утратившем своего значения труде: Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. I. Abteilung. München; Leipzig, 1889. См. также: Daine A. Les stratégistes byzantins // Travaux et Memoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Vol. 2. P. 317–392.

¹²³ О его несохранившемся труде см.: Nap J.-M. Ad Catonis librum De re militari // Mnemosyne. 1927. Vol. 55. P. 79–84; Astin A.E. Cato the Censor. Oxford, 1978. P. 204 f., 209, 231–232.

¹²⁴ Подробную характеристику этого труда см.: Кучма В.В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон» Маврикия: опыт сравнительной характеристики // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 139–207 (впервые опубликовано: ВВ. 1982. Т. 42; 1984. Т. 45; 1985. Т. 46).

¹²⁵ Кучма В.В. Очерк военно-теоретической мысли... С. 35; он же. «Стратегикос» Онасандра... С. 167–168.

¹²⁶ Подробнее см.: Махлаюк А.В. «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиэвистики (К 25-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков в Нижегородском гос. ун-те). Нижний Новгород, 1999. С. 29–35; он же. Scientia rei militaris (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История». Вып. 2. 2002. С. 13–31.

римской военно-научной мысли¹²⁷. По всей видимости, это сочинение было написано в конце IV в.¹²⁸ Как и Онасандр, автор не был профессиональным военным, но использовал широкий круг источников – от книжки Катона Старшего и «уставов» Августа и Адриана до специальных сочинений Корнелия Цельса, Фронтин и одного из первых разработчиков римского военного права Таррунтения Патерна (I. 8)¹²⁹. Видя в римских военных традициях залог возрождения военной мощи и боевого духа войск, Вегетий, хотя и допускает немало анахронизмов, стремится ориентироваться в своем изложении на классическую организацию римского легиона раннеимператорского времени (*antiqua legio*)¹³⁰, постоянно подчеркивает совершенство его устройства и строгий распорядок службы. Для нашей темы его оценки и подходы ценны акцентированием традиционных основ и принципов римской военной организации, рассматриваемых с высоты исторического опыта.

Если же учесть, что в военной науке «традиция играет гораздо большую роль, чем в других отраслях знания, а тесная преемственность (континуитет) в накоплении и передаче военно-научной информации является ее квалифицирующим признаком»¹³¹, то представляется правомерным осторожное привлечение, преимущественно в сопоставительном плане, не только свидетельств Вегетия, но и ранних греческих военных теоретиков, в первую очередь Ксенофонта, и некоторых византийских авторов, например Маврикия, который в характеристике нормативных качеств полководца многим обязан Онасандру и другим своим предшественникам¹³². Ряд интересных фактов из римской военной истории и характерных оценок полководческого искусства дают сочинения римского государственного деятеля и писателя Секста Юлия Фронтин (конец I в. н. э.) и греческого автора Полиэна (II в. н. э.), написанные в жанре стратегем¹³³. Отдельными деталями интересен и трактат «Об устройстве лагеря», приписываемый в рукописях знаменитому грамматiku I в. н. э. Гигину, но датируемый либо временем Траяна, либо, что более вероятно, второй половиной II в. н. э.¹³⁴

При исследовании многих вопросов темы ценную, часто уникальную в своем роде информацию можно извлечь из разнообразных произведений антиковедно-научной и художественной

¹²⁷ Общую характеристику Вегетия см.: Кучма В.В. «Краткое изложение военного дела» Вегетия как синтез военно-теоретической мысли античности // Кучма В.В. Военная организация Византийской империи... С. 118–138; Milner N.P. Introduction // *Vegetius. Epitome of Military Science* / Translated with notes and introduction by N.P. Milner. 2nd revised ed. Liverpool, 1993. P. XIII–LXIII.

¹²⁸ В литературе неоднократно предпринимались попытки более точно определить время создания «Эпитомы». О. Зеек обосновывал точку зрения (впервые высказанную еще Э. Гиббоном), что сочинение было адресовано Валентиниану III (425–455 гг.) (*Seeck O. Die Zeit des Vegetius* // *Hermes*. 1876. Bd. 11. S. 61–83). За такую же датировку высказался В. Гоффарт (*Goffart W. The Date and purpose of Vegetius' De re militari* // *Traditio*. 1977. Vol. 33. P. 65–100). Т.Д. Барнес относил появление труда к правлению Феодосия I (379–395) (*Barnes T.D. The Date of Vegetius* // *Phoenix*. 1979. Vol. 33. P. 254–257). А. Нойман склоняется к дате около 400 г. (*Neumann A. Vegetius* // *RE. Suppl.-Bd. X*. (1965). Sp. 992 ff.). К. Цуккерман недавно предложил дату около 386/387 гг. (*Zuckerman C. Sur la date du traité militaire de Végèce et son destinataire Valentinien II* // *Scripta classica Israelica*. 1994. Vol. 13. P. 67–74). См. также: Банников А.В. Датировка трактата Вегетия *Epitoma rei militaris* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. С. 333–344.

¹²⁹ Об источниках Вегетия см.: Sander E. Die Hauptquellen der Bücher I–III der *Epitoma rei militaris* des Vegetius // *Philologus*. 1932. Bd. 87. S. 369–375; Schenk D. Flavius Vegetius Renatus. Die Quellen der *Epitoma rei militaris*. Leipzig, 1930.

¹³⁰ По вопросу об исторических реалиях описанной Вегетием организации легиона см.: Parker H.M.D. The “*Antiqua legio*” of Vegetius // *CQ*. 1932. Vol. 26. P. 137–149; Sander E. Die *antiqua ordinatio legionis* des Vegetius // *Klio*. 1939. Bd. 14. S. 382–391.

¹³¹ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи... С. 6.

¹³² Кучма В.В. Введение // Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2004. С. 5–59.

¹³³ Кучма В.В. О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтин «Стратегемы» // ВДИ. 1984. № 4. С. 45–55; Ксенофонт А.Б. Полиэн и его «Стратегемы»: греческий писатель в римском мире // Полиэн. Стратегемы: Пер. с греч. под общ. ред. А.К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 7–38; Нефедкин А.К. Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // Там же. С. 39–56.

¹³⁴ Колобов А.В. О трактате «*De munitionibus castrorum*» // Древность и Средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 129–130, с основной литературой вопроса, к которой можно добавить, в частности: Grillone A. Pseudo-Hyginus de *metatione castrorum* // *Klio*. 1980. Bd. 62. P. 389–403; *idem*. Problemi tecnici e datazione del *De metatione castrorum* dello Ps.-Igino // *Latomus*. 1987. T. 46. P. 399–412.

литературы. Сколь бы отрывочны, тенденциозны, а иногда и фантастичны ни были их свидетельства, они вносят очень характерные штрихи в общую картину военных традиций и жизни армии, но, главное, незаменимы для реконструкции восприятия римских полководцев и солдат в общественном мнении. Так, наряду с отдельными примечательными фактами, относящимися к военной истории Рима, целый ряд интересных сведений и деталей (в частности, о римских военных наградах и культе знамен, о дисциплинарных порядках римлян, воинской присяге, армейском жаргоне и т. д.) можно найти в сохранившихся отрывках из сочинений Теренция Варрона, в энциклопедической «Естественной истории» Плиния Старшего и в «Аттических ночах» Авла Геллия, а также в трудах более поздних антикваров и грамматиков: Помпея Феста (II в. н. э.), в комментариях Сервия к сочинениям Вергилия (конец IV в.), в «Сатурналиях» Макробия (V в.), в «Этимологиях» («Origines») Исидора Севильского (ок. 570–636 гг.).

Некоторые любопытные фактические свидетельства и штрихи, дополняющие общую картину восприятия военной службы и роли армии в римском обществе, обнаруживаются также в сочинениях других писателей эпохи принципата – в «Метаморфозах» Апулея, в диалогах и письмах Сенеки Младшего, который нередко использовал примеры и сравнения из военной сферы, так же как и Эпиктет в своих «Беседах», записанных Флавием Аррианом. Об отдельных аспектах военной службы имеются упоминания в переписке Плиния Младшего и в письмах крупнейшего ритора II столетия Корнелия Фронтон, наставника императоров Марка Аврелия и Луция Вера, в «Соннике» Артемидора Далдианского (II в. н. э.). В этом же ряду следует упомянуть и плеяду римских поэтов, в творчестве которых нашли отражение как исторические события и их восприятие, так и реалии современной им эпохи, связанные с военной сферой. Историческая мифология, основополагающие ценности Рима и официальная идеология «века Августа» получили классическое воплощение в произведениях Вергилия и отчасти в лирике Горация. В IV книге «Тибуллианского сборника» (*Corpus Tibullianum*) сохранилось большое гексаметрическое стихотворение «Панегирик Мессале», которое было написано, вероятно, по случаю избрания Мессалы консулом в 31 г. до н. э.: в нем неизвестный автор среди прочего превозносит воинские умения и доблести своего героя, давая ценную информацию о военной подготовке и компетентности римских военачальников¹³⁵. Большая поэма М. Аннея Лукана «Фарсалия», посвященная гражданской войне между Цезарем и Помпеем, представляет интерес не столько фактическими сведениями¹³⁶, сколько яркими образами полководцев, командиров и солдат, а также эксплицитными оценками автора, гневно осуждающего воинов, готовых ради своих вождей и наград проливать кровь сограждан. В силе дарования, яркости художественных образов и драматизме рассказа Лукану явным образом уступает его младший современник Силий Италик (ум. около 101 г.), автор большой (в 17 книг) эпической поэмы «Пуника», посвященной Второй Пунической войне. Но и в его напыщенной риторике находят свое выражение традиционные римские взгляды и ценности. Совершенно в ином плане интересна XVI (оставшаяся незаконченной) сатира Ювенала, в которой развивается тема о преимуществах военной службы и положения военных людей по сравнению с гражданскими¹³⁷. Автор обличает высокомерие и корпоративную спаянность солдат, пользующихся благоволением властей.

Нельзя также обойти вниманием данные христианских источников. Это прежде всего сочинения апологетов II–III вв. (Тертуллиана, Минуция Феликса) и церковных историков (Лактанция, Евсевия, Орозия и др.), которые, несмотря на известную тенденциозность, очень интересны не только с точки зрения отношения самих христиан к военной службе и свидетель-

¹³⁵ Lammert F. Das Kriegswesen im Panegyricus auf Messala, v. 82–105, sowie überhaupt bei Dichtern, Redern und Geschichtschreibern // *Symbolae Osloenses*. 1950. Fasc. XXVIII. S. 44–65.

¹³⁶ См., например: Lintott A. W. Lucan and the history of the Civil War // *CQ*. 1971. Vol. 21. P. 488–505.

¹³⁷ Dury M. Juvénal et les prétoriens // *REL*. 1935. T. 13. P. 95–106.

ствами о распространении христианства среди римских воинов, но и сведениями об их роли в жизни общества и государства¹³⁸. Кроме того, критикуя языческие верования, христианские авторы, в частности Тертуллиан, упоминают и некоторые военные культы римлян.

Для исследования многих конкретных реалий военной службы и социопрофессионального статуса солдат и ветеранов в римском обществе огромное значение имеют юридические источники¹³⁹: сочинения римских правоведов и императорские конституции, а также папирусы правового содержания. *Ius militare* как военно-уголовное право было основой воинской дисциплины и субординации; как *ius singulare* в частноправовой сфере оно регулировало те привилегии и преимущества военнослужащих в личном, семейном, имущественном и наследственном праве, которые призваны были компенсировать определенные ограничения, связанные со спецификой военной службы, обеспечить социальные гарантии воинам и укрепить их лояльность императорской власти. Все эти аспекты приобрели особую значимость с созданием профессиональной армии, поскольку условия службы в ней нередко вступали в противоречия с действующими нормами частного права. Поэтому в эпоху принципата и римские юристы в своих трудах, и императоры в своих рескриптах и эдиктах специально разрабатывают и формулируют правовые нормы, призванные укрепить дисциплинарный порядок внутри армии и урегулировать проблемы, возникавшие в жизни солдат и ветеранов в их отношениях с гражданскими лицами.

Ссылки и цитаты из императорских распоряжений и конституций дошли до нас в составе Дигест, где их приводят правоведы, излагая и комментируя те или иные военно-правовые нормы в своих трудах. Сами тексты императорских рескриптов, эдиктов и мандатов, как правило, с точной датировкой и указанием адресатов приводятся в кодексах Феодосия (438 г.) и Юстиниана (529 г.), в которых соответственно VII и XII книги посвящены военному праву, хотя относящиеся к нему вопросы трактуются и в других книгах. В первый из них вошли императорские решения с 312 г., а во второй – со времени Адриана. При их использовании важно поэтому учитывать время издания той или другой конституции, выделяя в ее содержании традиционные подходы, продолжение и развитие прежних тенденций и новации, вызванные изменившимися историческими условиями; кроме того, нельзя забывать о наличии редакторской работы, осуществленной составителями кодексов исходя из реалий их эпохи. Среди юристов конца II – первой трети III в., писавших специальные труды по военному праву под стандартным названием «*De re militari*» или касавшиеся его в других своих сочинениях, известны такие авторитетные имена, как Таррунтений Патерн¹⁴⁰, Юлий Павел, Домиций Ульпиан, Аррий Менандр, Эмилий Мацер (Макр), Геренний Модестин. Их труды и имена фигурируют в 16-м титуле XLIX книги Дигест, специально посвященном военному праву. Отдельные свидетельства имеются также в других юридических сочинениях, например в «Сентенциях к сыну» Павла или в «Институциях» Гая, где речь заходит о публичном праве, о привилегиях военнослужащих и ветеранов в сфере наследственного, семейного права и т. д.

В сфере военно-уголовного права соответствующие нормы в значительной своей части опирались на древние дисциплинарные установления и традиции, имевшие не только правовое, но также сакральное и ценностное значение. Однако и здесь очень многое модифицировалось с учетом профессионального характера службы, требований времени и конкретной политики тех или иных императоров. В целом же эффективность разработанной в классический

¹³⁸ Проблема «христианство и римская армия» посвящена обширнейшая литература. Не утратил своего значения основополагающий труд А. Гарнака: *Harnack A. Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten*. Tübingen, 1905 (Darmstadt, 1963). Из более новых исследований отметим работу: *Helgeland J. Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine* // ANRW. Bd. II. 23. 1. 1979. P. 724–834. См. также: *Пантелеев А.Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана* // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 413–428.

¹³⁹ Общую характеристику римской военно-правовой литературы см.: *Brand C.E. Roman Military Law*. Austin; L., 1968. P. 44 ff.; 124 ff.; *Giuffrè V. La letteratura "de re militari"*. Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli, 1974. P. 61 sgg.; *idem. Militum disciplina e ratio militaris* // ANRW. Bd. II. 13. 1980. P. 234–277.

¹⁴⁰ Береций (I. 8) называет его «заботливейшим ревнителем военного права» (*diligentissimus iuris militaris assertor*).

период военно-уголовной и дисциплинарной системы была очень высока, и многие ее элементы непосредственно заимствовались и использовались в постклассический и ранневизантийский периоды. Об этом может, в частности, свидетельствовать сборник военно-правовых норм – так называемые *Leges militares ex Ruffo*, которые во многом, часто почти дословно, повторяют соответствующие положения из 16-го титула XLIX книги Дигест, но отчасти и дополняют их. Этот сборник, составленный неким Руффом, сохранился в византийских кодексах, но датируется, вероятно, временем Валентиниана II (383–392 гг.)¹⁴¹. При обращении к юридическим источникам не следует забывать об их нормативном характере: наличие того или иного юридически закрепленного положения еще не означает, что в реальной жизни оно применялось всегда и во всех случаях одинаково. Необходимо сопоставление данных юридических источников с литературными и прочими свидетельствами, которое может обнаружить достаточно широкую вариативность правоприменительной практики, обусловленное разными причинами отступление от одних норм и неприменение других. Зачастую же какие-либо данные о том, как применялись отдельные правовые нормы, и вовсе отсутствуют. Поэтому данные юридических источников в основном приходится рассматривать скорее как индикаторы определенных тенденций и традиций, нежели как фактически достоверные свидетельства.

Аналогичное заключение можно сделать и в целом по комплексу литературных источников. Очень часто их свидетельства малодостоверны или даже фиктивны с фактологической точки зрения. Поэтому подходить к ним надо не с критерием фактической истинности каждого конкретного сообщения, но рассматривать их как показатель более или менее общеобычных восприятий и ожиданий, которые складываются в определенную систему, особым образом коррелирующую с эмпирической действительностью и реальными мотивами человеческого поведения. Нужно иметь в виду, что многие интересующие нас аспекты (прежде всего те, что относятся к субъективной реальности) намечены в нарративных и юридических источниках только «пунктиром», который можно соединить в некую общую картину, лишь устанавливая устойчивые параллели и переклички терминов, понятий, мотивов, образов в разножанровых, разноконтекстных, разновременных текстах и экстраполируя тенденции, выявляемые в одних хронологических пределах или на одном материале, на другие.

¹⁴¹ Brand C.E. Op. cit. P. 129–144 (здесь же приведен латинский текст и его перевод на английский язык). Мне осталась недоступной работа: Famiglietti G. “Ex Ruffo leges militares”. Milano, 1980.

Данные эпиграфики и других вспомогательных дисциплин

В известной степени откорректировать и уточнить информацию литературных источников, восполнить имеющиеся в ней пробелы (а они относятся прежде всего к внутренним межличностным отношениям и другим повседневно-бытовым реалиям армейской жизни, к религиозным и отчасти к ценностным представлениям солдат) позволяют данные эпиграфики. Значимость свидетельств, которые содержатся в многочисленных надписях на камне и других материалах¹⁴², оставленных римскими военными в различных частях империи, невозможно переоценить. Именно развитие научной эпиграфики начиная с середины XIX в. открыло принципиально новую страницу в изучении военной организации Рима, позволив обратиться к изучению таких тем, которые прежде практически не ставились: размещение, этнический и социальный состав войск, семейное положение и демографические характеристики солдат, система чинов, хозяйственная деятельность, религиозные культы армии, просопография командного состава и т. д. Появилась возможность дать многим фактам римской военной истории точную географическую и хронологическую привязку, конкретизировать или пересмотреть некоторые сообщения литературных источников. Для нашей темы данные эпиграфики тем более незаменимы, что они происходят в абсолютном большинстве случаев непосредственно из среды военных и характеризуют те присущие им отношения и взгляды, о которых авторы исторических сочинений античного времени чаще всего умалчивают. Кроме того, надписи становятся особенно многочисленными как раз в тот период (II–III вв.), который заметно хуже освещается качественными литературными источниками.

Надписи, оставленные солдатами, офицерами разных рангов и ветеранами, в целом весьма разнообразны по характеру и содержанию. В самом общем виде их можно разделить, в зависимости от цели, авторства, содержания и жанра, на официальные и частные, посвятельные, почетные, надгробные и строительные, надписи на отдельных предметах и собственно документальные¹⁴³. К последним можно отнести сенатские постановления¹⁴⁴, тексты военных дипломов, получаемых солдатами вспомогательных войск и преторианских когорт при выходе в отставку¹⁴⁵, а также уставы тех коллегий, которые создавались младшими чинами (*immunes* и *principales*) и центурионами легионов. Уникальным памятником является запись на базе памятной колонны речи, которую произнес по итогам проведенных учений император Адриан во время своей инспекционной поездки в Ламбез, где дислоцировался III Августов легион (ILS, 2487; 9133–9135). Данные эпиграфики представляют тем большую ценность, что многие военные надписи (в первую очередь почетные и строительные) могут быть с достаточной точностью датированы либо по конкретно указанным датам их создания, либо по упоминаниям императоров и других официальных лиц.

¹⁴² Общее количество известных в настоящее время латинских надписей превышает 250 тысяч (*Saller R., Shaw B.* Tombstones and Roman family relations in the Principate: Civilians, soldiers and slaves // JRS. 1984. Vol. 74. P. 124. Not. 1).

¹⁴³ О классификации надписей см.: *Федорова Е.В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 124 сл. В качестве общего введения в армейскую эпиграфику полезна работа: *Speidel M.A.* The Roman army // Oxford Handbook of Roman Epigraphy / Ed. C. Bruun and J. Edmondson. Oxford, 2015. P. 319–344.

¹⁴⁴ Примером сенатского постановления, подтверждающего данные литературных источников (в частности Тацита) и содержащего очень важные свидетельства об официальном понимании роли армии, может служить сенатус-консульт 20 г. н. э. о Гн. Пизоне-отце. См. о нем: *Eck W., Caballos A., Fernandez F.* Das senatus consultum de Cn. Pisone patre. München, 1996; *Князев Л.А.* Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н. э.: Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre (характеристика постановления и его перевод) // ИИАО. 2003. Вып. 8. С. 39–61; *он же...* Кто смерти поддаться не должен был вовсе: Гибель Германика Цезаря в трех актах римского сената. Самара, 2005.

¹⁴⁵ О значении военных дипломов как исторического источника см., например: *Lambert N., Scheuerbrandt J.* Das Militärdiplom. Quelle zur römischen Armee und zum Urkundenwesen. Stuttgart, 2002; *Эк В.* Император как глава войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 28–57.

Для исследования ценностных представлений и социальных связей солдат особенно важны эпитафии, составляющие примерно три четверти всех известных надписей¹⁴⁶. В массе своей солдатские эпитафии предельно лаконичны и используют стандартные формулы: указания имени, *origo*, воинского звания, возраста и количества лет, проведенных на службе, а также имен и статуса тех лиц, которые хоронили покойного¹⁴⁷ (в качестве наследников или близких). Однако в целом ряде случаев мы располагаем достаточно пространными, оригинальными, иногда даже стихотворными текстами, в которых скрупулезно отмечаются этапы служебной карьеры, специально выделяются ее наиболее примечательные эпизоды (награждение знаками отличия, участие в тех или иных походах, досрочное повышение в чине и т. п.); особыми эпитетами и сентенциями выражается отношение к покойному со стороны того, кто его похоронил. Учитывая принцип экономичности, действовавший при создании лапидарных надгробных текстов, а также тот факт, что нередко надгробные памятники заказывались еще при жизни и, вероятно, само содержание эпитафии тоже определялось заранее, следует признать, что в случаях отступления от общепринятого минимального набора сведений акцентировались те действительно значимые для данного индивида (и его окружения) моменты, о которых он стремился публично заявить¹⁴⁸. Иногда можно поэтому говорить об автопортрете, поскольку отдельные эпитафии составлены от первого лица¹⁴⁹. При интерпретации такого рода памятников необходимо учитывать, что эпитафия – это своеобразный письменный фольклор¹⁵⁰, в котором есть свои устойчивые формы, мотивы и штампы, по-разному варьируемые в конкретных случаях, и поэтому действительно оригинальные тексты являются примечательным исключением.

В некоторых случаях для изучения солдатской ментальности не менее показательным, чем сам текст надписи, может быть скульптурное изображение на надгробном памятнике¹⁵¹. Среди таких изображений имеются не только парадные портреты покойного в воинском облачении, при регалиях, оружии и знаках занимаемого поста, но и целые картины памятных славных деяний, как например, на надгробии ветерана Тиберия Клавдия Максима, открытом в 1965 г. близ города Филиппы в Македонии (AE 1969/1970, 583)¹⁵². Этот заслуженный ветеран еще при жизни заказал себе роскошный памятник с подробной надписью о своей долгой

¹⁴⁶ Saller R., Shaw B. Op. cit. P. 124. О значении солдатских эпитафий как исторического источника ср. Колобов А.В. Эпитафии легионеров как источник по истории раннего принципата // Методология и методика изучения античного мира: Доклады конференции (31 мая – 2 июня 1993 г.). М., 1994. С. 87–92.

¹⁴⁷ В солдатских эпитафиях указания на то, кто совершил погребение и сделал надпись, имеются в 83,9 % случаев (Saller R., Shaw B. Op. cit. P. 152). См. также: Meyer E.A. Explaining the epigraphic habit in the Roman empire: The evidence of epitaphs // JRS. 1990. Vol. 80. P. 74–96.

¹⁴⁸ Ср. Eck W. Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // KHG. S. 490–491.

¹⁴⁹ Exempli gratia, можно указать на известную стихотворную надпись времен Адриана, принадлежащую всаднику из батавской когорты по имени Соран (CIL III 3676 = ILS, 2558 = ЛЭС, 43. См. о ней: Roos A.G. Soranus, een Bataaf in Romeinse Krijgsdienst. Amsterdam, 1953), или на другую стихотворную надпись, украшавшую надгробие неизвестного примипила из Aquae Flaviae в Африке (AE 1928, 37). Если в этих текстах отчетливо вырисовываются подлинно воинские ценности (мастерское владение оружием, успешная карьера, победа над врагом), то надпись на надгробии ветерана V Галльского легиона, в которой от первого лица сообщается, что покойный при жизни охотно пил и желает того же тем, кто еще жив, является, скорее, исключением из общего правила, демонстрирующим, однако, определенную и немаловажную грань мироотношения римского воина (CIL III 293 = 6825 = ILS, 2238 = Bücheler, 243 = ЛЭС, 925).

¹⁵⁰ Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 119–139.

¹⁵¹ Об истории и типологии солдатских надгробий см.: Anderson A.S. Roman Military Tombstones. Prince's Risborough, 1984. Об отражении в скульптурных надгробиях самосознания солдат см.: Шаблин А.А. Частная жизнь и самооценка солдат и ветеранов римской армии в I в. н. э. (Рейнская область): Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 1997; он же. Отражение самооценки солдат римской армии в скульптурных надгробиях Рейнской области в I в. н. э. // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. Вып. 3. М., 1997. С. 37–48; Hope V.M. Trophies and tombstones: commemorating the Roman soldier // World Archaeology. 2003. Vol. 35. № 1. P. 79–97.

¹⁵² Speidel M.P. The Captor of Decebalus: A New inscription from Philippi // JRS. 1970. Vol. 60. P. 142–153. Pl. XIII, XV; Connolly P. Tiberius Claudius Maximus: The Cavalryman. Oxford, 1989; Rankov N.B. Singularis legati legionis: A problem in the interpretation of the Ti. Claudius Maximus inscription from Philippi // ZPE. 1990. Bd. 80. P. 165–175.

карьере и с двумя барельефами, на одном из которых изображено его участие в попытке пленить царя даков Децебала.

Основным и незаменимым источником для анализа индивидуальных и коллективных религиозных представлений в их связи с римским воинским этосом и официальной религиозной политикой императоров являются многочисленные votivные надписи (*tituli sacri*) в честь различных богов на алтарях, статуях и других посвященных приношениях. Благодаря массовому характеру такого рода эпиграфических свидетельств, их во многих случаях более или менее точной датировке, нередким указаниям на авторов, конкретные обстоятельства и мотивы посвящения имеется возможность выяснить степень распространения и особенности отправления различных культов в определенные периоды времени, дифференцированно учитывая при этом состав их почитателей. Тексты посвященных надписей проливают также свет на практиковавшиеся в армии религиозно-культовые ритуалы (например, на празднование дня рождения воинской части). По составу божественных покровителей и тому конкретному контексту, в котором делались посвящения, по положению дедикантов в армейской иерархии можно судить о соотношении официальных и неофициальных (часто этнически специфических) компонентов в идеологии римских солдат. При этом следует иметь в виду, что, какой бы рутинной ни была в некоторых случаях практика почитания тех или иных культов, за именами и функциями божеств вполне правомерно видеть наличие определенных идейных комплексов, характерных для индивидуального и коллективного сознания солдат. Немаловажное значение имеют также археологический контекст и иконография посвященных памятников. Эпиграфические материалы прекрасно иллюстрируют тот факт, что, несмотря на строгую централизацию командования и довольно скрупулезную регламентацию повседневной жизни войск, в том числе и посредством официально предписанных культов, ритуалов и празднеств, религиозно-культовая практика армии в целом отличалась очевидным плюрализмом при значительном удельном весе туземных, в том числе восточных, культов (особенно со II в. н. э., в связи с переходом к местному комплектованию легионов), а также существенными региональными особенностями в отпадении как собственно военных культов, так и культа императора¹⁵³. Тем более необходимо учитывать вполне естественные различия в верованиях солдат из различных родов войск. При всей консервативности армейской религии нельзя забывать и о имевших место диахронических изменениях в формах почитания и в степени популярности различных божеств.

Достоинством свидетельств, непосредственно характеризующих важные ценностные ориентации и идеологию солдат, восприятие ими официальной пропаганды, обладают некоторые надписи на отдельных предметах. В частности, следует указать на солдатские медальоны и патеру из Верхней Паннонии, датируемые III веком, на которых имеются изображения Марса, Доблести (*Virtus*), Виктории и богини Тутелы с надписями, в которых упоминаются *Conservatio Aug(usti)*, *aurea saecula*, *Honor*¹⁵⁴. Еще более примечательным памятником являются надписи, сделанные солдатами на свинцовых снарядах для пращи (*glandes plumbeae*) из Пицены и Перузии, относящиеся соответственно ко времени Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. и Перузинской войны Октавиана против Луция Антония и Фульвии¹⁵⁵. Они не только дают замечательные образчики лагерной, по-солдатски грубой латыни¹⁵⁶, но и показывают, каким образом преломлялись в среде легионеров пропагандистские внушения относительно образа врага¹⁵⁷.

¹⁵³ На этот момент справедливо обращает внимание в своем исследовании Г. Анкерсдорфер: *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Dissertation. Konstanz, 1973.*

¹⁵⁴ Об этих памятниках как свидетельствах об идеологии армии см.: *Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя...* С. 264–265.

¹⁵⁵ *Glandes plumbeae Latinae inscriptae.* Их наиболее полное комментированное издание на настоящий момент: *Benedetti L. Glandes Perusinae. Revisione e aggiornamenti. Roma, 2012.*

¹⁵⁶ Соответствующие комментарии см.: *Mosci Sassi M.G. Il sermo castrensis. Bologna, 1983. P. 98–103.*

Надо сказать, что в армии ранней империи с ее развитым канцелярским аппаратом вообще писали достаточно много, используя такие распространенные в повседневном обиходе материалы, как остраконы (наиболее интересные находки сделаны в африканских провинциях¹⁵⁸) и деревянные таблички. Такого рода таблички с частной и служебной перепиской и другими документальными записями были обнаружены в начале 1970-х гг. при раскопках британского форта Виндоланда и датируются концом I – началом II в.; в ходе последующих раскопок количество найденных документов существенно выросло¹⁵⁹. Сюда же можно отнести и граффити, оставленные солдатами на стенах лагерных построек или в других местах¹⁶⁰, а также открытые в Виндониссе таблички с различными записями, касающимися повседневной жизни местного гарнизона¹⁶¹. Такого рода тексты освещают в основном бытовые реалии и служебную рутину и дают довольно скудную, хотя подчас и бесценную, информацию о духовном облике римских военных¹⁶², а кроме того, предоставляют в распоряжение исследователей уникальные данные о латинском языке и жаргоне солдат, которые также являются чрезвычайно важным источником для изучения солдатской ментальности¹⁶³.

То же самое можно сказать и о большей части дошедших до нас папирусов с разнообразными текстами, относящимися как к частной, так и к официально-служебной и общественной жизни римских военных. Среди этих документов, которые происходят в основном из Египта и из Дура-Европос на Среднем Евфрате, нужно выделить немногочисленные солдатские письма к родным (и письма родных солдатам), написанные на греческом и латинском языках и датированные в основном II в. Они интересны прежде всего теми живыми подробностями, которые практически невозможно почерпнуть из памятников иного рода¹⁶⁴. Проблемы и надежды, связанные с началом военной службы, рассуждения о необходимости протекции для получения хорошего места, тоска по близким и покинутой родине, радость по поводу служебных успехов

¹⁵⁷ Ср. Маукин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.: Л., 1949. С. 231: «Эта увековеченная брань не случайна. Это тоже своего рода пропаганда, рассчитанная на солдат». См. ниже главу III.

¹⁵⁸ Основные публикации этих документов представлены в следующих изданиях: Papyri and Ostraca from Karanis. Second Series / Ed. H.C. Youtie. Ann Arbor, 1951; Bagnall R.S. The Florida Ostraka. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1976; Marichal R. Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992; Cuvigny H. Ostraca de Krokodilo. La correspondance militaire et sa circulation (O. Krok. 1—151), Cairo, 2005.

¹⁵⁹ Bowman A.K., Thomas J.D. The Vindolanda writing tablets and their significance: An interim report // Historia. 1975. Bd. 24. Hf. 3. P. 463–478; *idem*. Vindolanda: The Latin Writing Tablets. L., 1983; *idem*. The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). L., 1994; *idem*. New writing tablets from Vindolanda // Britannia. 1996. Vol. 27. P. 299–328; *idem*. The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses III). L., 2003; Bowman A.K. Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People. L., 1994. См. также: Birley R. Vindolanda: A Roman frontier Post on Hadrian's Wall. L., 1977; *idem*. The Roman Documents from Vindolanda. Newcastle, 1990; Садовская М.С. Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии // ИИАО. 1988. С. 71–80.

¹⁶⁰ Ср., например: Le Roux P. L'armée romaine au quotidien: deux graffites légionnaires de Pompéi et de Rome // Epigraphica. 1983. Vol. 45. P. 65–77.

¹⁶¹ Speidel M.A. Die römischen Schreibtafeln von Vindonissa: lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. Brugg, 1996.

¹⁶² Возможно, на одном из остраконов из Бу Нджем (Marichal R. Op. cit. № 144) упоминается героиня «Энеиды» Дидона. Если это действительно так, то можно говорить о знакомстве солдат, служивших в этом отдаленном гарнизоне в начале III в., с Вергилием. См.: Rebuffat R. L'armée romaine à Gholaia // KHG. P. 243. Данная работа, в которой комплексно использованы интереснейшие надписи, острака и археологические данные, является прекрасным показателем того, как много могут дать все эти свидетельства для характеристики повседневной жизни и духовного облика римских солдат на примере отдельно взятого гарнизона.

¹⁶³ См. очень интересное исследование Дж. Адамса: Adams J.N. The Language of the Vindolanda writing tablets: An interim report // JRS. 1995. Vol. 85. P. 86–134.

¹⁶⁴ Публикации наиболее интересных писем: CPL, № 250–255 (P. Mich. 467–472) (письма солдата Клавдия Теренциана); Select Pap., 111–112; BGU, 423, 814 (P. Mich. 465–466) (письма воина Аполлинария). Из посвященной им литературы можно указать: Mondini M. Lettere di soldati // Athen e Roma. 1915. Vol. 18. P. 241–258; Smolka F. Lettres des soldats écrits sur papyrus // Eos. 1929. Vol. 32. P. 153–164; Pighi G.B. Lettere latine di un soldato di Traiano (P. Mich. 467–472). Bologna, 1964; Adams J.N. The Vulgar Latin of the Letters of Claudius Terentianus. Manchester, 1977; Mithof F. Soldaten und Veteranen in der Gesellschaft des römischen Ägypten (1.—2. Jh. n. Chr.) // KHG. S. 393–404; Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид (Массовое сознание римского Египта). М., 1988. С. 113–115.

– таковы основные темы этих посланий, написанных, по словам одного исследователя, простыми и симпатичными парнями¹⁶⁵.

Что касается служебной и деловой документации на папирусах, то она достаточно разнообразна¹⁶⁶. Известны образцы рекомендательных писем, предоставление которых требовалось при поступлении на службу или для получения более высокого и выгодного поста¹⁶⁷. Для изучения правового статуса военнотружущих и ветеранов, характера их отношений с императорами исключительную важность представляют папирусы юридического содержания, например императорские решения о наделении ветеранов различными привилегиями (ср. особенно эдикт Октавиана от 31 г. до н. э. – P. Berl. 628 = FIRA I, 56; или эдикт Домициана о ветеранах X легиона Fretensis – Wilkes. Chrest., 463), письма императоров провинциальным наместникам (см., например, послание Адриана префекту Египта Раммию Марциалу от 4 августа 119 г. – BGU, 140 = FIRA I, 78), а также протоколы судебных разбирательств, связанных, в частности, с солдатскими браками или имущественными делами (например, Wilkes. Chrest., 372). Однако по большей части сохранились такие документы, как листы нарядов, рапорты о наличной численности и занятости личного состава, расписки в получении жалования или других ценностей и т. п., из которых отчетливо вырисовывается гарнизонная повседневность, проникнутая скорее духом бюрократизма, чем романтики. Но и они могут немало дать для изучения ментально-идеологических структур¹⁶⁸. Особое место среди такого рода документов занимает один папирус, открытый в начале 1930-х гг. в ходе раскопок в Дуре-Европос, где был обнаружен большой архив документов дислоцированной здесь когорты вспомогательных войск (Cohors XX Palmyrenorum)¹⁶⁹. Этот папирус (P. Dur. 54), известный как Feriale Duranum и датируемый временем Александра Севера (точнее 223–227 гг.)¹⁷⁰, представлял собой стандартный, используемый, видимо, во всех римских воинских частях календарь праздников, который в своих базовых элементах, вероятно, восходит еще ко времени Августа¹⁷¹. Этот уникальный памятник во многом по-новому осветил религиозно-культурную практику римской армии, подтвердив в высшей степени консервативный характер той официальной идеологии, которая целенаправленно внедрялась в войсках и в которой значительную роль играли почитание традиционных римских божеств, военных знамен, а также императорский культ.

При относительном дефиците свидетельств, происходящих непосредственно из солдатской среды, немаловажное значение приобретают лингвистические данные – это сохранившиеся в литературной традиции, в надписях и на папирусах слова армейского жаргона и отдельные образцы устного словесного творчества солдат. В исследовательской литературе их

¹⁶⁵ Smolka F. Op. cit. P. 164.

¹⁶⁶ Основные издания военной документации на папирусах: Daris S. Documenti per la storia dell' esercito romano in Egitto. Milano, 1964; Fink R.O. Roman Military Records on Papyrus. Cliveland, Ohio, 1971. Из обширной литературы, посвященной документации в римской армии, см.: Watson G.R. Documentation in the Roman army // ANRW. Bd. II. 2. 1974. P. 493–507; Documenting in the Roman Army. Essays in Honour of Margaret Roxan / Ed. J.J. Wilkes. L., 2003.

¹⁶⁷ См.: Watson G.R. The Roman Soldier. N.Y., Ithaca, 1969. P. 38.

¹⁶⁸ Например, для изучения отношения в римской армии к военным знаменам. См.: Stoll O. Die Fahnenwache in der römischen Armee // ZPE. 1995. Bd. 108. S. 107–118.

¹⁶⁹ Значение этого архива сразу же было по достоинству оценено одним из руководителей раскопок в Дуре М.И. Ростовцевым. См.: Rostovtzeff M. Das Militärarchiv von Dura // Papyri und Altertumswissenschaft. Vorträge des 3. Internationale Papyrologentages in München von 4. bis 7. September 1933. Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. Bd. 19. München, 1934. S. 351–378.

¹⁷⁰ Editio princeps: Fink R.O., Hoey A.S., Snyder W.F. The Feriale Duranum // YCS. 1940. Vol. 7. P. 1–222. См. также: Fink R.O. Op. cit. № 117. P. 422–429, с библиографией. Перевод на русский язык (выполненный, правда, с французского) см.: Ле Бож Я. Римская армия эпохи ранней империи / Пер. с франц. М., 2001. С. 369–371. Из недавних исследований см. диссертацию: Reeves M.B. The 'Feriale Duranum', Roman Military Religion, and Dura-Europos: A Reassessment: PhD Dissertation. University of New York, 2004.

¹⁷¹ Это мнение впервые высказал A.S. Hoey (YCS. 1940. Vol. 7. P. 173). Ср.: Nock A.D. The Roman army and the Roman religious year // HThR. 1952. Vol. 45. P. 186–252.

принято объединять понятием *sermo castrensis* (или *sermo militaris*)¹⁷². Изучение солдатского языка началось более ста лет назад с работы Й. Кемпфа¹⁷³ и было продолжено в различных направлениях в последующие десятилетия. Сравнительно недавно почти все имеющиеся материалы были заново систематизированы и на современном научном уровне откомментированы в книге итальянской исследовательницы М. Мочи Сасси¹⁷⁴. Однако для характеристики солдатской ментальности они привлекались сравнительно редко и только попутно, в виде отдельных замечаний¹⁷⁵. Взятые в комплексе, данные *sermo castrensis* позволяют дополнить обобщенный морально-психологический портрет римского воина некоторыми весьма любопытными штрихами¹⁷⁶. Дело в том, что римская армия, как и всякое сообщество, достаточно обособленное по своим профессиональным задачам и условиям жизнедеятельности, вырабатывала собственный язык, настоящий солдатский арготизм¹⁷⁷, была местом довольно интенсивного лингвистического взаимодействия, представляя собой, по словам одного исследователя, «настоящую языковую школу»¹⁷⁸. Надо сказать, что понятием *sermo castrensis* объединяются весьма разнородные лингвистические реалии, с трудом сводимые к определенному единству. По мнению М. Мочи Сасси, главный критерий их отнесения к *sermo castrensis* – это их возникновение и (или) бытование в армейской среде. Имеющиеся свидетельства могут быть распределены по следующим рубрикам: 1) триумфальные песни (*carmina triumphalia*); 2) остроумные и шуточные изречения (*ridicule, iocose, facete dicta*); 3) наиболее выразительные по своему языку и смыслу надписи на свинцовых снарядах для пращи (*glandes plumbeae*); 4) *cognomina* – различные прозвища, которые солдаты давали своим командирам, императорам и другим персонажам; 5) некоторые специальные военные термины и жаргонная лексика (*vocabula et locutiones*). Разумеется, далеко не все эти свидетельства в равной мере информативны для освещения ментального облика римских солдат. Следует также учитывать их во многом случайную сохранность, определенную «вырванность» из конкретного контекста, разрозненность и достаточно широкий хронологический разброс. Однако, как мы попытаемся показать ниже (глава III), анализ языковых данных с точки зрения их семантики, этимологии и стилистической окраски действительно помогает открыть важные грани в образе римского воина.

Существенным дополнением к комплексу письменных источников служат самые разнообразные археологические, изобразительные и нумизматические материалы. Военная археология относится к числу интенсивно развивающихся дисциплин; полученные в ходе раскопок и соответствующим образом интерпретированные данные способны пролить свет на очень многие аспекты истории войн и военного дела¹⁷⁹. В том числе и на те, что относятся к предмету нашего исследования. Многолетние исследования римского пограничья и так называемого

¹⁷² В античной литературе такое выражение встречается лишь однажды – у Иеронима (Hieron. Adv. Rufin. 2. 2). См.: Mosci Sassi M.G. Op. cit. P. 26–27. Not. 9.

¹⁷³ Kempf J.G. Romanorum sermonis castrensis reliquiae collectaneae et illustratae // Jahrbücher für das Klassische Philologie. 1900. Supplementband XXVI.

¹⁷⁴ Mosci Sassi M.G. Op. cit. См. также: Pérez Castro L.C. Naturaleza y composición del sermo castrensis latino // Emerita. Revista de Lingüística y Filología Clásica (EM). 2005. Vol. LXXIII. 1. P. 73–96.

¹⁷⁵ См., в частности: Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 248; Carrié J.-M. Il soldato // L'uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 131 sg. Исключение составляет, пожалуй, только интересная работа Дж. Адамса, посвященная оценке культурного уровня центурионов на основе социолингвистического анализа двух известных стихотворных надписей из Бу Нджема в Триполитании (Adams J.N. The Poets of Bu Njem: Language, culture and the centurionate // JRS. 1999. Vol. 89. P. 109–134).

¹⁷⁶ Подробно см.: Махлаюк А.В. Sermo castrensis как источник изучения ментальности римского солдата // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Часть I: Проблемы источниковедения истории Древнего мира и Средних веков. Белгород, 2002. С. 32–40.

¹⁷⁷ Le Bohec Y. Op. cit. P. 248.

¹⁷⁸ Rebuffat R. La poésie de Q. Avidius Quintianus à la déesse Salus // Karthago. 1987. T. 21. P. 93.

¹⁷⁹ Массон В.М. Война как социальное явление и военная археология // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 6–8.

лимеса (протяженность которого составляет примерно 10 тысяч км) дали огромный фактический материал, который существенно расширяет и углубляет наши представления о военной архитектуре (в том числе сакральной), боевой подготовке и вооружении римлян, повседневно-бытовых и экономических реалиях лагерной жизни, контактах военных с гражданским населением.

Весьма информативна также сама иконография разного рода изображений – прежде всего исторических скульптурных рельефов на таких коммеморативных сооружениях, как триумфальные арки, памятные победные колонны Траяна и Марка Аврелия, трофеев Траяна в Адамклинси и т. п. Подобные памятники, безусловно, своими особыми средствами, через изобразительный ряд и художественные образы выражали и пропагандировали официальную идеологию империи – идеологию победы¹⁸⁰. Не менее показательными, как мы уже сказали, могут быть в отдельных случаях и изображения, украшавшие частные саркофаги и надгробия (на которых нередко присутствуют идеализированные портреты римских воинов в том виде, в каком они сами хотели себя видеть¹⁸¹), а также парадное оружие¹⁸², знамена, наградные фалеры и резные геммы¹⁸³. Специальное рассмотрение всех этих памятников, их специфического иконографического языка не входит в очерченный выше круг задач нашего исследования. Но по мере необходимости мы старались привлекать соответствующие материалы.

Для характеристики официально пропагандируемых и политически значимых идей, событий, ценностей и религиозных культов, так или иначе связанных с военной сферой, большой интерес представляют нумизматические материалы¹⁸⁴. Монетные выпуски политических

¹⁸⁰ Из огромного количества работ, посвященных данной проблематике, отметим следующие: *Scheiper R.* Bildpropaganda der römischen Kaiserzeit unter besonderer Berücksichtigung der Trajanssäule in Rom und korrespondierender München. Bonn, 1982; *Settis S.* La colonne Trajane: Invention, composition, disposition // *Annales. E.S.C.* 1985. № 5. P. 1151–1194; *idem.* La colonne Trajane: l'empereur et son public // *RA.* 1991. № 1. P. 186–198; *Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome* / Ed. J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000; *Waurick G.* Soldaten in der römischen Kunst // *Roman Frontier Studies.* 1979 / Ed. W.S. Hanson, L.J.F. Keppie. Vol. 3. Oxford, 1980. S. 1091–1098; *Fehr B.* Das Militär als Leitbild: Politische Funktion und gruppenspezifische Wahrnehmung des Traiansforum und der Traianssäule // *Hephaistos.* 1985–1986. Bd. 7–8. S. 39–60; *Picard G.-Ch.* Les trophées romains. P., 1957; *idem.* L'idéologie de la guerre et ses monuments dans l'Empire Romain // *RA.* 1992. № 1. P. 111–141; *Davies P.J.E.* The Politics of perpetuation: Trajan's column and the art of commemoration // *AJA.* 1997. Vol. 101. № 1. P. 41–65; *Galinier M.* La représentation iconographique du légionnaire romain // *Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 Septembre 1998)* / Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. I. Lyon; Paris, 2000. P. 417–439; *Hannestad N.* Rome and her enemies: Warfare in imperial art // *War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity* / Ed. T. Bekker-Nielsen, L. Hannestad. København, 2001. P. 146–154; *Alexandrescu-Vianu M.* Le programme iconographique du monument triomphal d'Adamklesi // *Dacia.* 1979. T. XXIII. P. 123–129; *Поплавский В.С.* Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000.

¹⁸¹ *Carrié J.-M.* Op. cit. P. 135–138; *Galinier M.* Op. cit. P. 426–429. Мне остались недоступны две специальные работы по данной проблематике: *Franzoni C.* Habitus atque habitudo militaris. Monumenti funerari di militari nella Cisalpina romana. Roma, 1987; *Tufi S.R.* Militari romani sul Reno. L'iconografia degli "stehende Soldaten" nelle stele funerarie del I secolo D. C. Roma, 1988; *Stoll O.* Die Skulpturenausstattung Römischen Militärlagen am Rhein und Donau. St. Katarinen, 1992; *Scafer T.* Spolia et Signa. Göttingen, 1998.

¹⁸² *Künzl E.* Politische Propaganda auf römischen Waffen der frühen Kaiserzeit // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Eine Ausstellung in Martin-Gropius-Bau, Berlin 7. Juni – 14. August 1988.* Berlin – Kulturstadt Europas 1988. Mainz, 1988. S. 541–545.

¹⁸³ *Henig M.* The Veneration of heroes in the Roman army. The evidence of engraved gemstones // *Britannia.* 1970. Vol. I. P. 246–265; *Boschung D.* Römische Glasphalerae mit Porträtbusten // *BJ.* 1987. Bd. 127. S. 255–258; *Колобов А.В.* Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов: Первый век империи // *ПИФК.* 2000. Вып. 8. С. 129–136.

¹⁸⁴ Римским монетам как историческому источнику и своеобразному средству политической пропаганды посвящена большая литература. См., в частности: *Jones A.H.M.* Numismatics and history // *Essays in Roman Coinage Presented to Harold Mattingly.* Oxford, 1956. P. 13–33; *Sutherland C.H.V.* The Intellegibility of Roman imperial coin types // *JRS.* 1959. Vol. 49. P. 46–55; *idem.* Roman History and Coinage 44 B.C. – A.D. 69. Oxford, 1987; *Crawford M.* Roman Imperial coin types and the formation of public opinion // *Studies in Numismatic Method Presented to Ph. Grierson.* Cambridge, 1983. P. 47–64; *Perez C.* Monnaie du pouvoir, pouvoir de la monnaie: Une pratique discursive originale – le discours figurative monétaire (1-er s. av. J.-C. – 14 ap. J.-C.). P., 1986. Специально военным темам на монетах императорского времени посвящены следующие работы: *Rossi L.* Le insegne militari nella monetazione imperiale romana da Augusto a Commodo // *Rivista italiana numismatica.* 1965. Vol. 67. P. 41–81; *Wittwer K.* Kaiser und Heer im Spiegel der Reichsmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nerva bis Caracalla. Dissertation. Tübingen, 1986; *Richier O.* Les thèmes militaires dans le monnayage de Trajan // *Latomus.* 1997. T. 56. P. 594–613; *Абрамзон М.Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994; *он же.* Император и армия в римской

лидеров эпохи поздней республики и принципата, в особенности те, что были специально предназначены для выплаты жалования или наградных легионам и армии в целом, наглядно демонстрируют то огромное значение, какое правители или претенденты на власть придавали своим военным функциям, «имиджу» победоносного полководца и персональным связям с армией. Монетные изображения и легенды посвящались прославлению побед римского оружия и отдельных легионов или армейских группировок. Специальными монетными выпусками и сериями отмечались императорские обращения к войску (*allocutiones*) и прочие военные мероприятия (например, посещения императором воинских учений и тех или иных провинций), пропагандировались такие важнейшие понятия, часто являвшиеся обожествленными абстракциями, как *Disciplina*, *Fides*, *Concordia* и др., императорские доблести и качества (*Virtus*, *Pietas*, *Largitas*), а также официальные и военные культы. Некоторые из монетных легенд, несомненно, представляли собой политические лозунги, которые власть стремилась донести до подданных. Но, на наш взгляд, было бы ошибкой преувеличивать связь между монетными легендами и целенаправленной правительственной пропагандой, усматривая в монетах едва ли не главное средство формирования общественного мнения¹⁸⁵. Это отнюдь не означает, что нумизматические данные не могут дать ценной информации о системе ценностей¹⁸⁶, религиозной политике отдельных императоров или об идеологии военного лидерства. Но сами по себе, без учета свидетельств других источников, они все же малоинформативны для основных вопросов нашей темы.

Таковы находящиеся в нашем распоряжении источники. Представляется, что привлечение всей совокупности их разнородных, но взаимодополняющих и корректирующих друг друга сви-

детельств, разумеется, при условии их критического и комплексного использования, позволяет обратиться к исследованию обозначенной выше проблематики, несмотря на то что имеющиеся в них немалые пробелы и неизбежные деформации, обусловленные самим характером соответствующих носителей информации, объективно сказываются на полноте и точности реконструируемой картины традиций и ментально-идеологических компонентов римской военной организации.

монетной типологии // ВДИ. 1996. № 3. С. 122–137; *он же*. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

¹⁸⁵ В науке уже достаточно долго, но без достижения однозначного итога, продолжается дискуссия об убедительной силе императорских монет как средства официальной пропаганды. Если одни исследователи, как например, А. Джонс, вообще отрицают связь между монетными легендами и пропагандой (*Jones A.H.M.* Op. cit.), то другие, как К. Сазерленд и М.Г. Абрамзон (см. их работы, указанные в предыдущем примечании), напротив, видят в монетах не только самый массовый, но и вполне эффективный пропагандистский инструмент. Об этой дискуссии см.: *Crump G.A.* Coinage and imperial thought // *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr* / Ed. J.W. Eadie and J. Ober. N.Y.; L., 1985. P. 425–441. Наши критические замечания о подходах и выводах книги М.Г. Абрамзона см.: *Махлаюк А.В.* Рец. на: Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 // ВДИ. 1997. № 3. С. 173–178.

¹⁸⁶ Ср., например, очень интересные наблюдения, сделанные П. Кейзи на основе анализа клада из Аппаса: *Casey P.J.* *Liberalitas Augusti: Imperial Military Donatives and Arras Hoard* // *KHG*. P. 445–458.

Глава II

Очерк историографии: социально-историческое и историко-антропологическое направления в изучении армии императорского рима

Изучение римской императорской армии в XIX – первой половине XX века

Военные институты и военная история Древнего Рима неизменно вызывали и вызывают огромный интерес исследователей самых разных историографических направлений и специальностей. Следствием этого неослабевающего интереса является труднообозримый поток многоязычной специальной и научно-популярной литературы. Однако число исследований, непосредственно посвященных своеобразным традициям, ценностям и идеологии императорской армии, сравнительно невелико. Немногим больше и количество тех работ, в которых данная проблематика поднимается с большей или меньшей подробностью в связи с изучением общей истории римской армии или отдельных конкретных сюжетов. Такого рода исследования стали появляться главным образом в последние два-три десятилетия. Основное же внимание специалистов прежде всего концентрируется на детальной реконструкции различных сторон римской военной организации и военного быта, на военной истории отдельных провинций и кампаний, на преобразованиях в армии, проводившихся теми или иными императорами, на выяснении социальной и политической роли армии в Римской империи. Все эти вопросы в большей или меньшей степени соприкасаются с кругом интересующих нас проблем; и тот огромный фактологический материал, что накоплен и разносторонне проанализирован в современной науке, многие суждения и выводы специалистов по отдельным частным сюжетам, безусловно, будут учитываться нами при трактовке конкретных аспектов рассматриваемой темы. К истории изучения отдельных проблем, нынешнему положению дел и дискуссиям в историографии по тем или иным специальным вопросам мы обратимся в последующих главах. В данном же разделе было бы целесообразно, не ограничиваясь только анализом работ, прямо относящихся к нашей теме, выделить и рассмотреть те исследовательские направления и работы приблизительно за 120 лет, которые, с одной стороны, наиболее показательны для основных этапов и тенденций в развитии историографии, а с другой – в той или иной степени затрагивают историко-антропологическую проблематику. Такой проблемно-хронологический анализ позволит, как представляется, лучше уяснить тот историографический контекст, которым во многом определяется выбор конкретных аспектов и задач нашего исследования.

В развитии современной историографии римской армии, на наш взгляд, можно выделить по меньшей мере три крупных этапа. Первый из них охватывает период приблизительно с середины XIX в. по 40-е гг. XX в. Второй этап условно можно датировать 40–70-ми гг. XX столетия. Третий же, новейший, этап, начавшийся в 1980-е гг., продолжается и в настоящий момент. Для становления и развития научной историографии римской армии определяющее значение имел начальный период первого этапа, охватывающий середину и последние десятилетия XIX в. Именно в это время, прежде всего благодаря введению в научный оборот и систематизации новых эпиграфических и археологических данных, появляется ряд фундаментальных трудов общего характера и большое количество специальных исследований, которые во многом определили главные направления и проблемы в изучении военной организации Рима.

Не все из них выдержали проверку временем и по разным причинам достаточно быстро устаре-
ли¹⁸⁷

¹⁸⁷ Например, см.: *Lange L.* Historia mutationum rei militaris Romanorum inde ab interitu reipublicae usque ad Constantinum Magnum. Gottingae, 1846; *Sonklar K.A.* Abhandlung über die Heersverwaltung der alten Römer in Frieden und Krieg, in der besonderen Beziehung auf die beiden Hauptzweige der Heersversorgung: Besoldung und Verpflegung. Innsbruck, 1847; *Lamarre C.* De la milice romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à Constantine. P., 1863; *Harster W.* Die Nationen des Römerreichs in den Heeren der Kaiser. Speier, 1873; *Streit W.* Heeresorganisation des Augustus. Berlin, 1876; *Pfitzner W.* Geschichte der römischen Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrian. Leipzig, 1881; *Müller O.* Römisches Lagerleben. Gütersloh, 1892; *Fontaine L.* L'armée romaine. P., 1883.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.